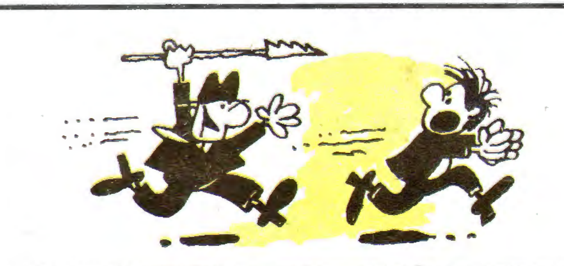
КРОКОДИЛ

ISSN 0130-2671

№ 12 АПРЕЛЬ 1991

МАМОЧКА, У НАС С ПЕТЕЙ СКОРО БУДЕТ ЦЫПЛЕНОК!

Г. ОГОРОДНИКОВ, Р. ДРУКМАН (тема).



Охота на человека, отстаивающего свое достоинство.

Стр. 4

КРОКОДИЛ

№ 12 (2706)
апрель 1991

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

Учредители: трудовой коллектив редакции журнала «Крокодил» и издательство ЦК КПСС «Правда».

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ.

Редакция не рецензирует присланные литературные и изобразительные материалы. Рукописи объемом меньше 2 печатных листов не возвращаются.

НАШ АДРЕС: 101455, ГСП-4, Москва, Бумажный проезд, д. 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
экономики — 250-46-68,
морали и права — 250-16-63,
литературы — 250-09-70,
писем — 212-15-47,
международного — 250-45-78,
художественного — 212-30-00.
Приемная — 250-10-86.

Сдано в набор 20.03.91.
Подписано к печати 27.03.91.
Формат бумаги 70×108⅛.
Бумага офсетная.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,80.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Уч.-изд. л. 4,54.
Тираж 2 478 000 экз.
(1-й завод: 1—2143328).
Зак. № 329. Цена 75 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ВИЛЫ БЕРЕТ ЧИТАТЕЛЬ

БЫЛ И У НАС БАЗАР...

Репортаж Леонида Жуховицкого из Аргентины «Рынок в Росарио» (1990, № 26) всколыхнул во мне грустные воспоминания, навел на размышления.

...Довоенные годы. Мое село. Летом и зимой дел в колхозе невпроворот и, если не считать 1931—1933 и 1936 голодные годы, хлеба вдоволь, молоко, масло, яйца — свои. Не было тогда понятия — выходной. Был базарный день. К нему готовились: резали скотину на мясо, делали творог, масло, у кого что есть, на продажу. Мы трое, сестра и два брата (остальные еще малы), после школы и домашних уроков плели лапти. По паре за вечер и одну сверх нормы, маме на чай.

...Воскресный базар в Красном Урюше (бывший Боярский Урюш — хозяйство и усадьба помещика Груздева) в семи верстах. Туда-то мы и несем свой товар. У дяди Имама, с которым мы идем, товар почище — сита и решета.

Чего только нет на том базаре! На возах расположились коробейники. Под деревьями — на сотни метров — столы.

Продав свой товар, пообедав в столовой, которая открыта для всех при мясокомбинате, ходим по магазинам: делаем покупки для дома (что мама наказала) и ей с общих взносов — плитку шоколада, чай, пряники... Домой возвращаемся счастливые...

Потом были годы «оттепели». Мужики их прозвали годы «оттяпали». Тогда у крестьянина действительно оттяпали огороды, подсобные хозяйства... Вот-вот засветит «светлое будущее». И в будние дни пошли «праздники». Как-то был по обмену опытом в бригаде строителей в Уфе. На рабочих местах шла поголовная пьянка — стройматериалов не подвезли...

После тяжелой войны побежденные заняли устойчивое экономическое положение. А у нас — сплошные эксперименты. И все — «для блага трудового народа». А ему живется все хуже. К тому же еще, например, увеличили стоимость подписки на печать. Обращаются в безграмотных?

Даже по моему малому городу видно, как все больше неудобств создается для человека: не стало общественных туалетов, все меньше почтовых ящиков, касс для уплаты коммунальных услуг...

Но вернемся к базару. По традиции он, как и был, в воскресенье. Да скучно и буднично там. Отучен крестьянин жить базаром. И если он что-то все-таки принесет для продажи, домой возвращается без покупок: магазины в этот день закрыты, даже «Сельхозпродукты», даже «Садовод». А руководство все решает, как крестьянину жить.

Вручили карточки. На четырнадцать видов продуктов. По 200—300 граммов, по полкило на месяц. Вот к чему пришли.

А был базар, был и у нас!

И. БАЙМУХАМЕТОВ,
ветеран войны и труда,
г. Учалы. Башкирия.

КАК Я СДАВАЛ БУТЫЛКИ

Приемщик был интеллигентен, величествен и наверняка с верхним образованием. Я расставил бутылки по ранжиру на 3 рубля 80 копеек. Приемщик припечатал к прилавку трешку и стал убирать бутылки в ящик.

— Не понял,— застенчиво удивился я.— А восемьдесят копеек?

Приемщик взглянул на меня с легким недоумением:

— А где же я столько мелочи возьму?

— Так я дам двадцать копеек,— находчиво подсказал я, продолжая стесняться.— А вы мне подадите рубчик.

— Бог подаст,— снисходительно обнадежил приемщик.— Зачем мне ваш двугривенный, я не мелочный, как некоторые. К тому же именно четыре бутылки у вас дефектны... Вот на горлышке шероховатость — пробка не пристанет. А здесь на донышке микротрещина — у водки и пива высокий коэффициент смачиваемости, будут сочиться. И эта посудина подозрительная. При желании можно продолжить осмотр...

— Не утруждайтесь,— сказал я, взял трешку и... забракованные бутылки.— Использую их под растительное масло, которое гуще пива.

С лица приемщика мгновенно сошли приметы интеллигентности.

— Ну и жмот! — прохрипел он.— Крохобор несчастный! Используй их еще и на медицинские анализы!

Я вежливо кивнул, вышел из приемного пункта, дошел до ближайшей урны, швырнул в нее «подозрительные» бутылки и пошел домой...

Ю. ТАРАН, *г. Донецк.*

И. ЛОСОСИНОВ, Ю. ЧЕРЕПАНОВ (тема).

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Вниманию руководителей предприятий и организаций!

КООПЕРАТИВ «ТОПОЛЕК» РЕАЛИЗУЕТ

по государственным ценам мужские носки и женские колготки

взамен на автомобиль «РАФ» и «Волга ГАЗ-24».

Прислала группа читателей.

«Чтобы корректоры не зверели, Закрывайте, пожалуйста, двери!»

(Объявление на дверях издательства).

«В кафе так вкусно готовят, что объедки хочется отнести домой. Моему мужу что не дашь, все съест, лишь бы было много».

(Из книги «Отзывов и предложений»).

«В магазине продавались говяжьи губы, я удивился и спросил: «Для чего их продают?» А продавец мне ответила. «Чтобы целоваться».

(Запись в книге «Отзывов и предложений»).

Прислала С. ТРОПЫШКО, г. Евпатория.

ПАЛАТА № 6

Досыта наевшись самой дешевой в мире отечественной медицины, где только не ищет спасения советский человек. В самолечении, у шаманов, у экстрасенсов, у Кашпировского и Чумака, у медкооператоров. А когда уже ничто не помогает, человек обращается в разные редакции. Перед вами подлинные фразы из некоторых писем; мы решили напечатать их в рубрике, которой не без умысла намекаем на знаменитый чеховский рассказ.

Насморк проходил, и я снова начинал обонять. Раньше слышал даже запах чистого женского тела.

Прошу вас вмешаться в мою историю болезни.

Можно ли применять нашатырный спирт для оздоровления организма после пьянки?

Начнешь чесать — тело радо.

Как произошли тараканы и где их родина?

Расскажите о переходном возрасте и его последствиях.

Здоровье мое все прогрессирует.

Дайте мне любой рецепт, вплоть до прыжка в пропасть.

И вот зажжена газовая горелка, и я дышу теплым (свежим) углекислым газом в неограниченном количестве, увлеченный новой идеей.

Степановна выкрикивает похабные лозунги (а их она знает немало, так как бывший преподаватель школы).

У меня было 3 испуга, 2 вышли, один остался и сидит в желудке. Испуг слышит, как человек.

В перерывах между запоями продолжал заниматься гантелями.

Могут ли эти две болезни проживать вместе?

В кишечнике очень быстро ползает кто-то посторонний.

Подошел к регистратуре, там сидит пантера и гавкает.

Какую роль играет в организме человека пупок?

Я очень любопытна, пожалуй, в этом отношении не уступлю обезьяне.

Я очень хорошо пела, а теперь неплохо плачу.

Врач сказала — вы разве не знаете, что Горький сказал: кто родился, тот должен умереть.

Регулярно читаю журнал «Здоровье», скоро сам себе стану устанавливать диагнозы, хотя по профессии я механик.

Пишет вам волгарь из славного города Саратова. А довела меня до этого непокорная жена моя.

Можно ли спать около холодильника «Пенза-2»?

У нас с мужем болят спины. Он не может спать на мягкой постели, а я на твердой.

Хочу, чтобы после меня остался хоть маленький шрамчик на земле.

Плод забился 10 октября. Жена говорит, что бьется ребенок, а гинеколог говорит: это у вас кишка играет.

Вам я доверяю самое больное место.

ФОТОПОЭМА

«НЕ ГУБИТЕ, МУЖИКИ...»

Нас никто не уволит в запас,
Мы на новые рвемся высоты.
Пусть по-прежнему радуют глаз
Монументы топорной работы!

А. СИВИЦКИЙ, Ю. ТИМЯНСКИЙ.
Фото Ю. КОЛЕСНИКОВА, г. Тверь.

Аркадий КАЙДАНОВ

СОЛО ПОДПЕВАЮЩИХ

Ах, как нам кричится, когда разрешили кричать!
О, как нам молчалось, покуда кричать запрещали!
Но лишь разрешили — рискуем мы связки порвать
И по-молодецки поводим крутыми плечами.
В едином порыве готовы мы горы свернуть!
Еще не свернули, но в общем и целом — готовы.
Как радостно дерзкой идеей с трибуны сверкнуть,
Надеясь, что слово — оно и останется словом,
Надеясь, что минет поветрие, стихнут шторма,
И все возвратится на круги своя непременно.
Нет, мы, безусловно, конечно же, за перемены,
Хотя нас пугают они, как тюрьма и сума.
В крутой поворот четко впишемся, как пелетон,
Слепящий мельканием маек и спиц велогонки.
Мы сжаты собратьями с левой и с правой сторон,
И нет пожелавших отстать и остаться в сторонке.
Мы — те, кто всегда голосует восторженно «за»,
Мы приноровились к любым измененьям погоды,
Вперед — так вперед, а прикажут назад — так назад.
И нам нипочем катаклизмы времен и природы.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Не топите ближнего,
Не сводите счеты,
Ибо вовсе без того
Хватит всем работы,
Хватит горя и беды
Нам на всех с лихвою.
Совладай не с ближним ты,
Совладай с собою.
Совладай с желаньем красть,
Врать напропалую,
Одолей лихую страсть
Подличать втихую.
Не стремись упавшего
Приложить покрепче.
Как ты будешь без него?
Все же с ним полегче.
Будет скучно без того,
Изведешь кого ты.
Не топите ближнего,
Не сводите счеты.

г. Нальчик.

Михаил КАНЕВСКИЙ

ПОЛЕНО

Брошу я в огонь полено.
Ах, как весело ему
Из соснового из плена
Улетать в ночную тьму!

Полетит оно над лесом.
— Здравствуй, лес.
Физкульт-привет!
Полетит оно в Одессу,
Старый Свет и Новый Свет.

И полено станет небом,
Станет тучей грозовой
И над городом Пуэбло
Покачает головой.

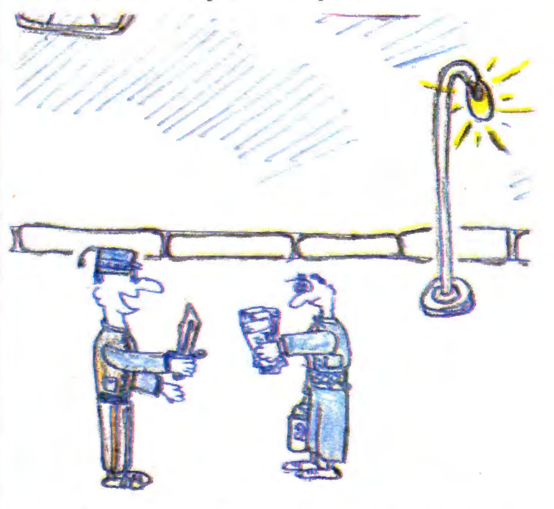
И заплачет горько-горько
Ленинградскою слезой.
— Ой, сосновая иголка.
Лес любимый, край родной!

Как я пламенно горело
И рвалось все время вверх!
Я не то чтобы шипело,
Я трещало громче всех.

И теперь я эвкалиптом,
Баобабом, черт-те чем
Прорасту, тихонько всхлипну
И засохну насовсем.

КАПИТУЛИРУЕМ

Денис Зыкин из г. Павловска Ленинградской области прислал нам свой рисунок вместе с ультиматумом:



— Не нужны мне деньги, талоны гони.

Напечатайте мою карикатуру, а то я вам пришлю еще десяток
С уважением Денис Зыкин

Положение безвыходное. Пришлось напечатать.

А. МОРАЛЕВИЧ,
специальный корреспондент Крокодила

МАШИНА

Начну с Ильи Муромца. О котором шустрые идеологи антисемитизма нынче говорят: Илья Муромец? Да не было такой личности, а был масон Илия Муромер, грубо перекрасившийся в славянина. (В развитие этой цветистой идеи хочу предложить кандидатом в масоны также Степана Разина, и известную песню рекомендую петь теперь так: «Ауф переднем Солик Райзман (Соломон.— **А. М.**), обнявшись мит дем княжной».) Итак, масон Илия Муромер. Но меня в исполинском величии Ильи интересует вовсе не подтверждаемое ничем возведение витязя в масоны, тем паче что летописи не доносят до нас на этот счет никаких высказываний Добрыни Никитича и Микулы Селяниновича, совместно после битв посещавших с Ильей Муромцем баню:

— Гля-ка, Илюша, ты баишь, вороги не учинили тебе никакого увечья,— а вона, они тебя маленько ссекли!

Оставим антисемитскую чушь, а обратимся к тому, что подлинно есть в летописях об Илье Муромце. Вот как там писано: «Тридцать лет сиднем сидел».

Наши психиатрия и неврология куда менее расторопны, чем юдофобские фантазеры. У фантазеров раз! — и готово: Илия Муромер. А психиатры и невропатологи уже сколько лет бьются над летописной загадкой, а все не могут распознать, что за болезнь была у богатыря, отчего смолоду он тридцать лет сиднем сидел? Может, правополушарный? Может, детский церебральный паралич? Может, эпилептоид? Может, энцефалопат?

Я верю в науку. У науки есть много гитик, она еще прольет нам свет на тайну младых лет славянского витязя. Но меня интересует вовсе не затрагивавшаяся покуда никем грань вопроса. А ну-ка, перенесем Илью Муромца в наши дни. Какой страшный урон выпал бы ему немедля, и не от ворога, а от родимой державы? Именно от нее, окажись витязь нелюбезен любому горкому или райкому? А вот: немедля вызвали бы Илью в горотдел милиции. И разговор проистек бы известный:

— Ну, явился, амбал? Вот на тебя справка из горпсихдиспансера, что ты в молодости тридцать лет сиднем сидел. Мы в разные медицинские тонкости не вникаем, а ясно одно: у тебя крыша поехала. А ежели у кого мозги набекрень, тому оружие не положено. Мало ли, что кругом вороги и супостаты! Ты все равно в бесспорном порядке сдай нам немедля боевую кольчугу, шелом, ноговицы, шестопер, меч и копье.

И еще дернули бы разоруженного витязя в ГАИ. Где, обязательно перевирая фамилию, сказали бы:

— А, товарищ Мурмыкин! Так вот, по психиатрическим показаниям вашего детства, отрочества и юности лишаем вас водительских прав и талона предупреждений на управление ратным конем, тем паче большегрузным, приравненным к трехосной дорожной технике!

Вот так в наши дни кончился бы витязь, не сумев ничем споспешествовать славе отечества против ворогов.

Ну, а в 1938 году родился в крестьянской семье на Ставрополье мальчик Витюша Кухарев.

Вам ведомы вот такие сдвоенные имена: Виктор-Эммануил, Вольфганг Амадей, Эрих Мария?.. Это все из просвещенной неметчины имена. Вот ведь и они, немцы, сперва, обманывая нечистую силу, чтобы не унесла младенчика, давали младенцу не истинное, а вспомогательное имя.

Ну, а частокол обступивших нас социализмов породил такую уйму злонамеренно настроенных к младенцам чертей, что и нашим кавказцам, и северным народам, также оберегающим младенца после рождения вспомогательным именем, полагалось бы вместо всего одного ложного имени применять штук восемь, пряча истинное в середке: Василий-Багаудин-Санасар-Эфроим-Степан-Кайдо-Тарас-Ооржак.

Однако всего одно вспомогательное имя как оберег от современных чертей применили к сыну Витьке крестьяне Кухаревы. Был Витька назван Эдуард-Виктор.

И в шестидесятые годы, двадцатилетком, повстречали бы мы Витьку на Крайнем Севере, с лампочкой во лбу, крепящим в шахтах рудничную стойку. В армии не был Витька, потому что заслоняла его броня ввиду тяжелой мерзлотной работы под землей, а также по гастриту он в армию не проходил, ИМЕННО ПО ГАСТРИТУ, запомним, о чем и сделал запись в военном билете военкомат.

А гастрит или там язва, о чем мы еще скажем впоследствии, тесно увязаны с образом жизни человека. И вот тут, на Севере, за год угас гастрит в организме шахтера Кухарева. Потому что доброта была вокруг него и все полюдски.

А как жил на Севере Кухарев? В отличном общежитии жил, где питали его добротно, без недовложений в котел, где спорт был в большой чести, и стал Кухарев изрядным боксером в весе шестидесяти семи килограммов. А заработок? И зарабатывал крепко, по труду, которого никогда и ни в каком виде не чурался. И увез с собой Кухарев, покидая Север, тридцать тысяч рублей, не считая мелких брызг, плюс воспитанное на Севере правило жить в трудолюбии и по правде. Еще он увез с собой военный билет, где ввиду излеченного гастрита была запись о том, что Кухарев ныне ГОДЕН к строевой службе, по здоровью у него «кругом шешнадцать».

И попал молодой человек в Волгоград. Тяжелым, страшным для шахтера Кухарева было вживание в новый уклад. «Шуша́ра» — северное слово. А раз северное — выходит, и на Севере есть шушара, что значит — подхалимы, двоедушники, лизоблюды, сволочь.

Первым делом на улице дал Кухареву по ребрам шушарный капитан милиции.

— Стой, гад, замри! — простонал еле слышно капитан, но при этом глаза его почему-то прыскали счастьем, а вздувшиеся от усердия вены на лбу образовали не привычный анатомический рисунок, а складывались в буквы: «УРА!»

Так материковая шушара преподала Кухареву урок: когда на улице в прямой видимости от тебя, смерда, появляется лично ПЕШКОМ ВЫШЕДШИЙ В МАССЫ первый секретарь обкома Калашников — замри, руки держи на виду, плавясь от счастья, верноподданности и готовности служить идеалам.

Мигом настал и второй урок — с грязным обманом. Северянин наш Кухарев имел полное право вне очереди вступить в кооператив. Но все твердили ему, электрику, на металлургическом заводе: потерпи еще, вот-вот дадим вступить... И год он терпел. После чего ему сказали:

— Чего? Кооператив? А не полагается тебе ни крена. Ты год прожил? Прожил. Так что имеем теперь все основания считать тебя местным жителем, кооператив — в порядке общей очереди, срок удовлетворения — в течение жизни.

И, выросши в шахтерской правде, забился от ярости Кухарев: да отчего же на материке столько лжи, отчего погани столько и мрази? Так ушел работный человек с обманувшего его завода, стал электриком в коммунальном хозяйстве. Золотые руки! Очень гордился Кухаревым бурно растущий коммунальный начальник В. В. Галушкин, затыкал им все дыры, даже показывал Кухарева разным делегациям:

— Вот, глядите, образчик красивого собой умельца и работяги!

Да. И это теперь жилплощадь меряют на квадратные литры, а пленные немцы построили в Волгограде тысячи тысяч квадратных метров жилфонда. Добротно построили: лишь через сорок лет, это при пшиковых-то ремонтах, ветшать стал жилфонд. И электрические распредщиты взялись гореть. Сунулись коммунальники туда — там пять тысяч желают огрести за ремонт одного щита, там — четыре. А откуда у коммунальников такое бешенство денег? Тогда утопил кнопку в стол Галушкин: пусть предстанет передо мною Кухарев. Словом, совершил очередное диво Виктор-Эдуард: за чуточную прибавку к зарплате плюс пятьсот рублей со щита — все сделал «на ять». После чего снова Галушкин утопил кнопку в стол, вызвал Кухарева. И без обиняков (а чего нам стесняться в своем отечестве? Чать, свои же мы все!) сказал:

— Ты, Кухарев, подь в те дома, где щиты ремонтировал. Там жильцы ликуют от удовольствия, так организуй их массовое благодарственное письмо в горком партии: мол, спасибо от нас, бесконечных жильцов, лично товарищу Галушкину, днем и ночью пекущемуся о нас.

— Э, Виктор Михалыч,— говорили жильцы,— это ведь мы тебе благодарны. При чем тут какой-то туфтовый Галушкин?

— Нет-нет,— пряча глаза, говорил Кухарев.— Это все он, Галушкин. Моето дело малое: закон Ома да метод тыка, а он — руководил, осуществлял...

И беспартийный Кухарев лично снес в горком письмо-благодарность. Потирали ладошки в горкоме: знатно, какого вырастили мы коммуниста Галушкина. Во все годы одни жалобы были на коммунальников, а вот как возвеличивают человека жильцы!

Ну, а коммунист Галушкин — ведь дело-то сделано! — тут же снял у трудяги Кухарева прибавку к жалованью. И проглотить бы это электрику, снести обиду, ведь у миллионов наших людей глотательные диаметры на обиду не имеют себе равных в мире. Но Кухарев не стал глотать — взбеленился. Тогда сказали ему:

— Ах, ты права качать? Ты — против традиционно сложившихся порядков в коммунальной системе? Товарищ Галушкин — руководитель, седьмую зиму в ондатровой шапке ходит, любимец партии и народа! Может, он уже на будущий год взденет на голову шапку из меха «норка совхозная», может, чем черт не шутит, когда Бог спит, он даже перепрыгнет через «норку совхозную» сразу к «норке голубой», и мы увидим его в красное число на трибуне города-героя средь руководителей ленинского типа, а ты... Ну, гляди, будет тебе козья морда!

И, как говорится, всеми активами начальнический Волгоград явил Кухареву ад в натуральную величину. И все-го-то отстаивая свои невеликие правды и справедливости, до самых областных верхов вынужден был дойти электрик. Потому что стоило ему доказать неправоту пусть самого малого начальника, тут же, находясь с малым начальником в прямом шестеренчатом зацеплении, вступался за малого начальника больший, а опрокинется в своей неправде и этот — встает на заступу еще больший начальник. И все провокации и подлости нашего послеоктябрьского обихода шли в ход. И были суды, многолетние следствия, увольнения и пристальные расследования вот таких, например, сигналов: что Кухарев, житель не местный и идеологически чуждый всем нам, к руководству относящийся дерзко, этот электрик в цинизме своем и желании нанести вред Волгограду дошел до того, что из подлости обесточивает лифты в домах, вынуждая наших стариков и старух, из коих многие орденоносцы, пешком убиваться по лестницам.

Да, вот так. И бывало, ничто не брало нашего Виктора-Эдуарда. Все выдерживал бывший северянин, но когда ему предъявили обесточенных волгоградских стариков и старух, чьи трупы, ввиду коварства электрика, там и сям охладевают, начиная с пятых и кончая шестнадцатыми этажами,— не выдержал Кухарев. И стали электрику сниться сны. Одни и те же: что он, крестьянский сын, лежит навзничь на дне морском, и прямо килем ему на грудь торжественно садится тонущий пароход. В воде, конечно, гнет переносится легче, но все равно тяжело от двухпалубного парохода, больно врезаются в спину ракушки, галеотисы всякие и мелиагрины. А с борта утонувшего лайнера перегибается актриса Гундарева с радиоматюгальником в руках и кричит в этот матюгальник, заглядывая под киль: «Эй, Кухарев, есть у нас семь футов под килем?» — И хочет крикнуть ей Кухарев: «Дура ты, а еще народная артистка!» — но пароход стесняет дыхание.

Однако кричал он во сне, и даже дважды по этой причине отказывали ему в сдаче комнаты, приходилось съезжать. Дабы прояснить ситуацию, дать толкование сну, ходил электрик к гадалке. Гадалка была цивилизованная, при диктофоне «Уэр». Но гадание не удовлетворило электрика, потому что все слагаемые снов у этой гадалки указывали только на два предстояния: или к съезду КПСС, или к деньгам. Гундарева с матюгальником — это выходило к съезду, а ракушки галеотис — к деньгам.

А теми днями ладил Кухарев проводку в райвоенкомате. И военком, полковник, задушевный старик, сказал Кухареву про сны:

— Чудно, сынок, в электричестве ты вон как маракуешь, а к гадалке пошел. Стыд! Это, сынок, у тебя нервы, у многих северян бывает, когда после Севера столкнутся они с образом жизни материковых людей. Так что ступай ты, сынок, в горпсихдиспансер, спросишь врача такого-то, он мне друг. Он с тобою поработает — тебе враз одни клеверные луга и невинные девушки будут сниться.

Вот. А помните, как в одной книжке будущий Иисус Христос обрисовывал Понтию Пилату, с чего начались все его беды? Говорил Иешуа-Христос: ходит, ходит за мною один с козлиным пергаментом, записывает, чего я не говорил...

Мы костерим нашу милицию. Что иногда там выколачивают показания. Иногда даже станцуют на подследственном летку-енку. Но обратите внимание: всякий протокол подследственному дают прочитать. И непременно удостоверить подписью: «Мне прочитано, с моих слов записано верно».

А наша психиатрия, если посравнить

На стр. 12.

«АЛИ-БАБА И СОРОК РАЗБОЙНИКОВ»

Сим-сим, открой дверь!

АРМЕЙСКИЙ СКЛАД ОРУЖИЯ

В. ПОЛУХИН, В. ТИЛЬМАН (тема).

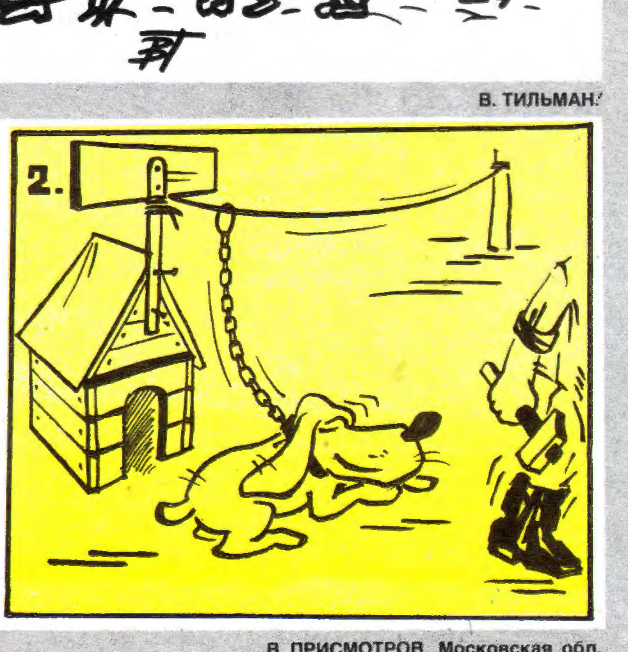
СХЕМА РАЗДЕЛКИ МЯСА:

С. РЕПЬЕВ.

ТАЛОНЫ НА РЕПКУ

ТАЛОНЫ

В. ТИЛЬМАН.



В. ПРИСМОТРОВ, Московская обл.

— Послушай, а пятипроцентный налог?

В. ДМИТРЮК, С. РЕПЬЕВ (тема).

Владимир Гордейчев

ВАХТА ОДИССЕЯ

Эти греки древние!
Бессменным
курсом их влечемся по морям.
В небесах — Пегас, Телец и Овен,
то есть конь, теленок и баран.
Прямо хлев!
Поистине домашне
назван мир, безмерный для землян:
так привычней — как с плужком
на пашне —
бороздить великий океан.
Узнавался пахарь в мореходе.
Он и нынче двигателя пыл
исчисляет в каждом пароходе
в единицах лошадиных сил.
...Каравелла режет пенный гребень.
Зажигает ночь лампады звезд.
И бредет Пегас в полночном небе,
старый конь, не портящий борозд.

ПЕРОМ, КАК ТОПОРОМ

Не ведая ни страха, ни конфуза,
откормленный один служитель муз
почесыванье собственного пуза
являет тиражом на весь Союз.
И мы, в грехи шершавые ярыги
вникая, удивляемся: «Дела!
Ужель, чтоб напечатать это в книге,
живая роща спилена была?
И для его, из дуба-матерьяла,
стола ужели столь же претерпел
утрату лес, где сказка обитала
и «темный дуб склонялся и шумел»?..
В убыточный вникая этот вывих,
что я скажу о стихотворце, в ком
теченье мыслей связано (ленивых)
с топорным, вот уж точно, языком?
Хочу, чтобы, не ведая печали,
в несгибших кронах, вросших в небеса,
стволы дерев могучие качали
пернатых стай живые голоса.

СЛУЖЕБНЫЙ КАЗУС

Прозе жизни следующий,
кое-чем заведующий,
письма в почте утренней
выбрав наугад,
на конверте с именем
«Муза Серафимовна»
для чего-то галочку
сделал бюрократ.
Полетела галочка
по полям бумажным,
в письмах шаловливые
делая штрихи.
Вместо резолюции,
к удивленью граждан,
выдавалась лирика,
белые стихи.
Вызывали «Скорую».
Отпуск предлагали.
Только съехал труженик
с прежней колеи.
Он теперь на пенсии.
Пишет мадригалы.
Носит по редакциям
опусы свои:
«Тук-тук!»
«Кто тут?»
«Параноик».
«Парами не заходить.
Следующий!..»

САМОУБИЙЦЫ

Газеты сообщают, что защитный озонный слой над нами стремительно разрушается соединениями фреона, применяемыми в мировом холодильном и аэрозольном производстве.

С этой вестью набатной
в себя загляни:
«Разрушенье озонного слоя Земли...»
Не фантаст развлекается это:
разрушается наша планета.
С приполярных,
снегами увенчанных зон
пузырем совлечен драгоценный озон,
и ничто уже здесь не спасется
от прямой радиации солнца.
Что за зверь налетает и жрет на лету
всю защитную пленку озонную ту?
Выпускается нашей он волей
из баллончиков аэрозолей.
Как в байкальский (отраву гоня) водоем,
мы на плоскую кнопку нажим выдаем:
мол, озонная ширь всепланетна,
ей потрава моя незаметна.
Так, себя только ради, шустрим на беду:
мол, пускай будет засуха в общем саду,
лишь моя б зеленела куртина...
И мораль эта всеразвратима.
Значит, если владычит — вразбрызг и вразброс —
на заряды в баллончиках бешеный спрос,
извлекай, производственник, прибыль
на всеобщую тихую гибель!
Ведь, съедая озон,
без войны, говорят,
нам заменит любой термоядерный ад
эта палец влекущая знобко
бытового баллончика кнопка.

БУХТА БАРАХТА

Никакому моряку
(в стольких морях-то!)
не встречалась на веку
Бухта Барахта.
Но в беседе невпопад
реплику бухни —
сам себя увидишь над
пальмами бухты.
Там, конечно, есть курорт
(близко от моря).
Если бухта — значит, порт
встал на просторе.
Там, конечно, всем подряд
розданы яхты.
Там, понятно, говорят
с бухты-барахты.
Ну а плавящимся днем
пляж так и тянет,
чтоб барахтались на нем
всласть барахтяне.
Вместе с солнышком, с утра
вставшим на вахту,
покидают сейнера
бухту Барахту.
И пока за валуны
солнце не канет,
будут золота полны
волны и камни.
Если сказке, старина,
друг, а не враг ты,
пусть в тебя плеснет волна
бухты Барахты.

МОРАЛЬНЫЕ УРОКИ

Выдвиженцы народа,
чуть не каждый — трибун,
мы пахать хлебороба
бойко учим с трибун.
А ведь встарь, понемножку
изживая застой,
за крестьянскую сошку
становился Толстой.
Время новое, скажете,
внеклассичная высь...
Но в комбайне на пажити
вы хотя бы тряслись?
Для какого ж вам лешего
балаганный припляс?
Вам примера светлейшего
устыдиться б хоть раз.
Воспаряя над пожнями
с нашим словом пустым,
мы привычным: «Сапожники!» —
чью-то совесть честим,
вновь забыв в этом выкрике,
что в одежде слуги
граф садился за выкройки
и тачáл сапоги...
То с надменностью вящею,
то с надмирностью той,—
о витии, бубнящие
на волне скоростной!
Нас Толстого печать
вряд ли сдержит, положим:
как не мог он молчать,
мы умолкнуть не можем.

г. Воронеж.

ЗЛОБОДНЕВНЫЙ КОММЕНТАРИЙ

ОБМЕН БЕЗ ВАРИАНТОВ,

или Столица с поселковой судьбой

Оказывается, у Семипалатинска и Москвы есть немало общего. Начать хотя бы с того, что Семипалатинск, по преданию, происходит от семи палаток, существовавших в начале 18-го века. Москва же построена на семи холмах. А ведь известно, что цифра семь — магическое число, обладающее особыми свойствами, до сих пор не разгаданными.

Впрочем, свойствами семерки пусть занимаются математики и чародеи, это по их части. Мы же поговорим о других свойствах, которые характерны для обоих городов.

Наш постоянный читатель из Семипалатинска Ю. Андреев прислал в редакцию несколько вырезок из местной прессы. Нет, это не какие-нибудь сенсационные сообщения, волнующие чувства или распаляющие воображение. Вырезки повествуют о весьма обыденном явлении: обмене жилья. Кто-то меняет комнату в коммуналке на двухкомнатную квартиру со всеми удобствами. Кто-то хочет перебраться из Омска в Семипалатинск. Есть даже объявление об обмене на Семипалатинск квартиры на Южном берегу Крыма, в Алуште. Представляете, как котируется этот город в казахстанских степях, несмотря на близость атомного полигона!

Но Ю. Андреев прислал данные вырезки не для того, чтобы похвастать популярностью своего родного края. Дело в том, что в каждом из объявлений имеется любопытная приписка: «Цемпоселок не предлагать».

Что такое «цемпоселок»? А это поселок рядом с цементным заводом. Ну, а что представляет собой цементный завод, думаю, понятно каждому. Это пыль, грязь и вредные выбросы. Не считая свойственных данному населенному пункту перебоев с продуктами, электричеством и прочими житейскими «радостями», что и для других пунктов не внове.

Словом, прочитал я это письмо и по-человечески пожалел жителей цемпоселка. Но тут в самый разгар этих естественных эмоций мне попалась на глаза невзрачная брошюра, изданная в 1990 году Гидрометеоиздатом, которая называется по-будничному просто: «Обзор состояния окружающей природной среды в СССР».

Так вот, как выясняется из брошюры, состояние окружающей природной среды в СССР оставляет желать много лучшего. В частности, на одной из первых страниц помещена таблица: «Города СССР с выбросами вредных веществ более 200 тысяч тонн в год». В таблице числится 64 города. На самом почетном месте стоит Норильск, в котором количество выбросов составляет два миллиона триста шестьдесят восемь тысяч тонн. На втором — Кривой Рог, где количество выбросов на миллион тонн меньше. А на третьем, как вы думаете, какой город? Москва, столица нашей Родины. Количество выбросов в нем составляет 1113 тысяч тонн в год. А если учесть, что в другой таблице («Список городов с выбросами автотранспорта более 100 тысяч тонн в год») Москва занимает первое место (801 тысяча тонн) и выбросы эти (вместе с предыдущими) — пыль, двуокись азота, окись азота, фенол, формальдегид и аммиак — отнюдь не прибавляют здоровья ни москвичам, ни гостям столицы, то возникает интересный вопрос: а чем Москва лучше цемпоселка?

Ю. Андреев пишет, что «очередь за хлебом можно внести в Книгу рекордов Гиннесса: самая длинная на земном шаре — в цемпоселке». Опять же «кабельный завод приступил к ремонту котельных установок, когда начались морозы».

Как говаривал бравый солдат Швейк, аналогичная история случилась с нашей полковой кобылой: в столице то в одном, то в другом районе происходят аварии теплосети, потому что вовремя не отремонтировали. Очереди за хлебом, правда, сейчас поубавились, зато в Книгу рекордов вполне можно занести очереди за всеми прочими пром- и продтоварами в московских магазинах. А в свете событий с молочными продуктами, когда, словно сговорившись, девять областей перестали поставлять молоко в Москву, становится понятным стремление некоторых, как сейчас принято говорить, «деструктивных сил» устроить москвичам веселую жизнь.

С одной стороны, несмотря на массу решений, из Москвы упорно не выводятся предприятия, которые душат людей своими выбросами. С другой стороны, никто не желает оснастить автомобили катализаторами для нейтрализации выхлопов, как это давно уже практикуется в развитых странах. И сереет Москва от неизбывной грязи, от мрачных очередей, от свинцового неба...

Положительно, в ситуации цемпоселка оказалась дорогая наша столица. И теперь в объявлениях об обмене жилья впору писать: «Москву не предлагать». И прикладывать таблицы из брошюры о состоянии окружающей среды, а также индекс цен на столичных рынках, которые любого могут привести в состояние тяжелого шока.

Юрий БОРИН.

КИНОЗУБ

ПРОЩАЙ, «МАЙ ДРЯНЬ», ПРОЩАЙ...

Есть у меня такая давняя привычка — записывать все фильмы, которые посмотрю, в записную книжку. Очень удобно, знаете ли. Как только начинает прорезываться очередной «Кинозуб», я открываю свой талмудик, и — пожалуйста, паратройка примеров на предмет оттачивания критического остроумия всегда под рукой. Вот и сейчас открыл и обрадовался: эвон сколько претендентов набралось! Добрый десяток. Но начал выбирать и затосковал. Боже, я же про них уже писал — и не единожды. Только назывались они по-другому, а так — и сюжет, и герои, и антигерои, и антураж,— ну, просто один к одному. Просто близнецы-братья какие-то. С одной стороны — мафия, с другой — коррумпированные органы, а промеж ними — герой-одиночка, как что-то там в проруби болтается.

«Облава на одичавших собак» («Узбекфильм»). Папа, сбежавший из-под следствия по «хлопковому делу», исповедуется сыну в шикарной обкомовской резиденции. Но мафия не дремлет, и в финале сынок рыдает над смертельно раненным папашей...

Еще про собак. Но теперь — «Не будите спящую собаку» («ТИСкино»). Про обаятельного жулика, пытающегося шантажом выманить у мафии ее неправедно нажитые миллионы. Настоящие мафиози будут рыдать от смеха, глядя на своих экранных глуповатых коллег.

«Охота на сутенера» («Латерна»). Наш отечественный сутенер-одиночка, любящий красивых девушек, свою работу и собственную маму, вступает в конфликт с Организацией. В результате чего ему сильно портят лицо. Мораль: заниматься любимым делом можно только в родном коллективе.

Еще раз про любовь. На сей раз — «Ловкача и Хиппозы» («Мосфильм»). Он добродетельный, но занявшийся перегонкой краденых машин, она хиппует и покуривает «травку», но целомудренна. И опять тут как тут мафия. Его пристрелят, ее изнасилуют. Жаль. А счастье было так возможно...

«Савой» («Мосфильм»). Мафия бессмертна, в чем герой убеждается ценой собственной жизни. Единственное светлое пятно в фильме — это намек авторов, что все ужасы герою только приснились. Тут я его понимаю: насмотришься такого вот «кина», еще не то может присниться.

«Нелюдь», например. Это про то, как мафия у мафии (уголовная у торговой) ребенка ворует, а милиция хочет, но не может (в смысле — помочь). А посему сплошные убийства начинаются...

«Убийство свидетеля» («Ноосфера»). С помощью акваланга, если не ошибаюсь. А дальше — типичные трудовые будни мафии: трупы, сладкая жизнь, вражда кланов, любовницы. Вот с ними-то мафиози и запутываются окончательно: где чья — не разберешь. Авторы, похоже, тоже. А посему на всякий случай убирают в финале всех, кто хоть эпизодически мелькнул в фильме.

А вот в «Убийстве на Монастырских прудах» («Ленфильм») все наоборот. Тут продажная милиция бесчинствует. Невинных сажает, дела «шьет», но только до приезда столичного адвоката, который ставит все с головы на ноги. Правда, поскольку он действует исключительно законными методами, в финале всех нехороших повышают по службе, а ему остается только утешаться собственной принципиальностью.

Нет, другой герой нужен, совсем другой. И он уже давно присутствует на экране. Это доблестный «афганец», который перенес боевые действия на территорию нашего экрана. В «Динозаврах XX» («Катарсис») он доблестно сражается с узбекской и московской наркомафией, как и его близнец из «Дряни» (киностудия имени А. Довженко). Хорошо бы им в следующем фильме встретиться — глядишь, вдвоем и очистили бы весь пока еще существующий СССР от разной уголовной нечисти.

Но стоп! Я еще и до половины своего списка не дошел, а писать об этих фильмах стало неимоверно скучно: до того они на одно лицо. А каково смотреть-то?! Тут, как шутил один мой коллега, только по приговору народного суда. Да и то, по-моему, для зрителей это «высшая мера».

Эх, помнится, в свое время публично обращался к «важнейшему из искусств»: «Даешь хорошую комедию! Даешь хорошую мелодраму!» Сейчас уже так высоко не залетаю. Хоть какую-нибудь, хоть средненькую комедию или мелодраму жажду. Потому как «Дрянь» смотреть, а потом еще о «Дряни» же и писать — сил никаких нет.

Так что нижайшая просьба к вам, товарищи кинематографисты. Подайте кинокритику что-нибудь «на зубок», но по возможности более или менее съедобное. Про мафию просьба не предлагать. Сыт по горло.

П. СМИРНОВ.

Р. ДРУКМАН.

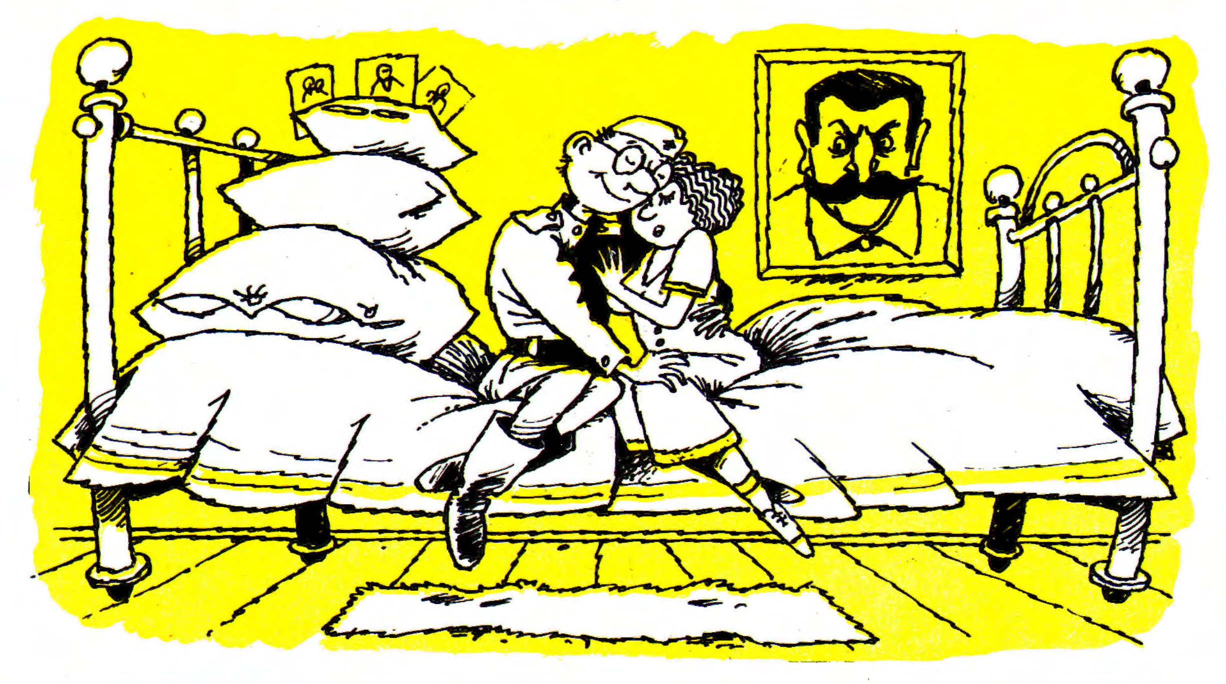
ВООРУЖИЛИСЬ

Ю. ЧЕРЕПАНОВ.

Виктория
ТОКАРЕВА

Рассказ переводчика

КАК Я ОБЪЯВЛЯЛ ВОЙНУ ЯПОНИИ



Тогда я еще не был переводчиком. И вообще никем. Куском мяса для большой мясорубки. Мясорубка называлась Курская дуга, и меня повезли в сторону Курска. Но по дороге почему-то передумали и пересадили на поезд, который шел в противоположном направлении. На Дальний Восток. На границу с Японией.

Ехали мы долго. Месяц. И наконец прибыли в медвежий угол, который назывался «Русские краи». И действительно казалось, что здесь кончается все русское и вообще все кончается. Край света. И если встать на коленки и хорошо перегнуться за этот край Земли, то увидишь черный космос, как на картинке в детской книге. Короче, дыра дырой, дырее не бывает.

В части я был самый молодой, практически подросток. Меня любили «по-своему». «По-своему» — значит издевались. Не зло, добродушно, как дразнят котят или щенков, с преимущественной долей теплоты, но все же дразнят. Моим однополчанам казались забавными мои очки, малый рост, нежелание материться и пристрастие к стихам. Состав у нас был рабоче-крестьянский. Интеллигентскую прослойку представлял я один. Меня звали «недолугий». Что это значит, я не знаю до сих пор. Может быть, недоделанный. Но это не так. Я писал солдатам, вернее солдатским девушкам, письма в стихах. Мне доверялось самое святое. Так что недоделанным я считаться не мог. За сорок пять лет я пролистал практически все словари, но слова «недолугий» так и не встретил. Видимо, это словотворчество.

Я сочинял письма другим, а своей девушки у меня не было. Была только мама, которую я любил с тех пор, как помнил себя. Она была по-настоящему красивой и по-настоящему умной. Она умела различать в жизни крупное и мелкое и не путать одно с другим, и в ней не было шелухи, свойственной глупым людям. А еще мама была модница и очень веселая. Человек-праздник. Я всю жизнь искал женщину, похожую на маму, но так и не нашел. Она была одна. И в каком-то смысле она испортила мне жизнь. Когда смотришь на солнце, то потом ничего не видишь вокруг себя. Одни зеленые пятна. Хотя вокруг может быть много ценного.

Я родился недоношенным, рос слабым и действительно выглядел «недолугим» рядом с мамой. Когда нас видели вместе, то в каждых глазах я читал: «Такая мама и такой сын...» А некоторые прямо так и произносили. Именно этим текстом. С тех пор я ненавижу бесцеремонных людей. Бесцеремонность — это вид хамства.

Я любил маму еще потому, что она любила меня. Я казался маме невероятно умным, почти вундеркиндом, и невероятно обаятельным. Больше я никому не казался таким. И рядом с мамой меня никто не мог унизить.

Это чувство — отсутствие унижения — я испытывал в двух случаях: с мамой и на Западе, куда я стал ездить как переводчик немецкой поэзии.

Самое большое унижение — это страх. Но Сталин мог играть только на такой гитаре, когда все колки закручены и струны напряжены до последнего предела.

Ко мне иногда приходят странные мечтания: хорошо бы Сталин воскрес и явился на Верховный Совет послушать — как и чего. Явился бы и сел в президиум и приготовился к привычному славословию. А ему бы депутаты-демократы каждый по очереди вломили бы все, что о нем думают. Хотел бы я посмотреть на его усатую узколобую тяжелую рожу... Он бы глазами — туда-сюда: где Берия? Где сталинские соколы? Другие лица. Другие времена...

А еще я мечтаю, чтобы воскресла царская семья и вошла бы в зал Верховного Совета. Царевич в матроске, а девушки в белых платьях. И зал бы приветствовал их стоя и плакал. И они сами тоже плакали.

И вся страна перед телевизором плакала бы. И после этого настало бы в нашей жизни что-то очень хорошее. Потому что на невинной крови ничего нельзя выстроить. Вернее, можно: то, что мы выстроили... Да... Так о чем я? О маме и папе.

Папу я тоже очень любил, но он был из тех, кто предпочитал жить в свое удовольствие. Если, скажем, он устремляется на кухню выпить воды, а на пути — кошка, он отшвырнет ее тапкой. Не убьет, не приведи господь, но отшвырнет, потому что кошка на пути к цели.

Как правило, такие люди не умеют думать ни о чем, кроме своей цели. Хорошо, если цель крупна. Крупнее стакана воды. У отца не было друзей, и он был одинок в конечном счете.

Я сделал вывод: надо жить в свое удовольствие, но своим удовольствием избрать делание добра — добродетель. Все взаимосвязано: ты удобряешь (опять от слова «добро») — тебе растет. И на земле. И в душе.

Жил отец долго, до девяноста лет, поскольку ничего не брал в голову, нервы у него были крепкие, как веревки. Под конец как бы сбрендил, но он сам этого не заметил, и мы тоже не замечали, потому что перестали в него вникать задолго до того, как он сбрендил.

Но о чем это я? Защита восточной границы не занимала моего ума. Я томился каким-то лучезарным томлением и все время чего-то ждал: конца войны, победы над врагом, возвращения к мирному времени, в котором я задохнусь от счастья. Именно задохнусь, именно от счастья. А мясорубка войны работала неустанно и у нас, и у немцев, и Гитлер с Евой Браун уже отпраздновали в бункере свою свадьбу, чтобы в законном браке отметить следующее мероприятие: свою смерть.

И Магда Геббельс уже взяла мужа под руку и пошла с ним в последний путь, ожидая пули в затылок.

А я томился своим лучезарным томлением, и кончилось все тем, что влюбился в местную девушку. От нее восхитительно пахло простым мылом. До сих пор помню этот запах и ее натянутый лобик. Кожа такая гладкая, что блестела. Глаза голубые-голубые, доверчивые. А мне не доверяла, и уговаривать пришлось долго. Я клялся, божился в вечной любви и сам себя уговорил. Я действительно влюбился, как это бывает в двадцать лет. Бывает и позже, и в сорок, и в шестьдесят, но тогда включается опыт. А в двадцать лет ничего не включается, одна сплошная любовь. Я ходил и бредил, бормотал стихи. Наверное, тогда я становился поэтом.

Моя девушка мне не доверяла и правильно делала. Война подходила к концу. Солдаты разъедутся и тоже правильно сделают: кому охота застревать в этой дыре, когда победа не за горами, и вся жизнь впереди, и Родина воздаст солдату, отблагодарит за победу. Но Сталин счел, что благодарность — это собачья болезнь. Родина тебе ничего не должна, ты ей должен все и всегда.

Мы еще этого не знали. Мы верили. Любили. Были молоды, а молодость сама по себе сокровище, независимо от того, в какое время она отпущена, твоя молодость.

Я поначалу не особенно нравился моей девушке: маленький, очкастый, нерешительный. У нас такие орлы были — Валерка Осипов, например: высокий, статный, глаза горят мрачным пламенем. Говорили, сама генеральша, жена генерала Самохвалова, голову потеряла до того, что за генерала обидно.

А я что... Зато я знал много стихов. До сих пор не понимаю, как у меня в голове столько умещалось. Целая библиотека. Вот сейчас, например, вся память стерлась. Даже имена не помню. Встречаю знакомого, думаю: как его зовут? Ставлю себе вопрос: КАК ЕГО ЗОВУТ? Мысленно отвечаю: ПАВЕЛ. И только после этого: «Здравствуйте, Павел».

А тогда... Моя девушка, конечно, ничего не понимала в поэзии. Она работала в деревне почтальоном. Но ее слух завораживали рифмованные строчки. Она как бы впадала в гипноз и, находясь под гипнозом, могла поверить во что угодно. В то, что я умный, например, и необыкновенный. Все обыкновенные, а я нет. В этом она совпадала с мамой. Вообще я заметил, что любовь обряжает человека, высаживает клумбы у него на голове. А ненависть раздевает догола, и человек становится серийный, заурядный, в общем ряду и даже в хвосте человеческого ряда.

Моя девушка считала меня необыкновенным, а раз я выбрал ее, то свет избранности лежит и на ней, моей девушке. И ей уже хотелось быстрее окончить свою работу, видеть меня, слышать и уважать.

Однажды ее мать уехала в соседнюю деревню обвывать погибшего деверя. Война все еще шла, гибли отцы, и дети, и девери, и шурины, и свояки, и вой стоял над Россией, как пар над закипевшей кастрюлей. Кто такой деверь, равно как и шурин, я не знаю до сих пор. Но это не важно. Важно то, что я читал ей стихи не на улице, а у нее дома. Над столом висел абажур, к стене прилепились бесчисленные фотографии.

Я принес банку американской тушенки и сгущенное молоко. Тушенку она прибрала на потом, а сгущенное молоко мы ели с хлебом. Сорок пять лет прошло, а я помню, как было вкусно. С тех пор я много пробовал изысканных блюд, например, дыня с креветками, обезьяньи мозги, устрицы, да мало ли чего придумало сытое человечество. Но такого гастрономического наслаждения я не испытывал никогда. Мы ели и неотрывно смотрели друг на друга, что тоже было большим счастьем. Два счастья: зрительное и вкусовое.

Потом мы легли на кровать одетыми. Мы не раздевались и тем самым как бы заключили уговор: ничего не будет, просто так полежим. Мы просто целовались, каждый поцелуй длился все дольше. Незаметно включились руки. Я довольно быстро нашел руками то, что искал. Она дернулась, но я каким-то образом дал понять, что уговор в силе, опасности для нее нет, что дальше жеста дело не пойдет. Моя девушка поверила, расслабилась.

Я поразился, до чего незащищенно-нежной бывает человеческая плоть, как лепестки мака. Я, как слепой, осторожно исследовал миллиметр за миллиметром.

Дело двигалось в неотвратимом направлении, так подбитый самолет может устремляться только вниз и ни в коем разе вверх.

Я пытался расстегнуть свои одежды, моя девушка мне помогала и тряслась, как в ознобе, наши пальцы сплетались, путались. Ничего не имело значения: ни моя мама с ее высоким уровнем, ни война, ни будущее моей девушки, только настоящее, сиюминутное, сейчас.

«Блажен, кто, познавая женщину, охранен любовью». Я был охранен любовью, а потому блажен и подвигался к главному событию своей жизни. Но в этот момент, за секунду до главного события, постучали в окно, и жизнерадостный голос Семушкина громко сообщил:

— Левка, тебя в штаб вызывают.

Этот стук и голос ударили меня, как дверью по лицу, и полностью выключили из состояния любви.

Семушкин знал, куда я пошел, доложил остальным, и они всем скопом решили поразвлечься. Что им до моей любви?.. А когда я вернусь, меня встретит дружный хамский гогот, потому что смехом это не назовешь. Коллективное ржание. Коллектив.

Я застегнул свои солдатские брюки. Я так ничего и не свершил. И слава Богу. Какой был бы ужас, если бы моя девушка теряла невинность под окрик Семушкина. Это осталось бы с ней на всю жизнь.

Что я мог сделать? Я мог встать, разыскать Семушкина и набить ему морду. Я зажмурился и представил в подробностях, как я посылаю кулак в бесцеремонную наглость всего человечества, и эта наглость имеет черты Семушкина. Я ненавидел и лежал в ненависти, как в кипятке. Сейчас я понимаю: ненависть — это тоже страсть.

Сейчас я уже не могу так остро ненавидеть. Бывает, конечно: взметнется ненависть, как волна, и тут же опадет, и только пена на поверхности, а потом и пена рассеется. Жалко тратить здоровье на ненависть: давление скачет. Голова болит... Да... Лежу. Ненавижу. Моя девушка, она так и осталась девушкой, принялась утешать меня. Она низко наклонилась над моим лицом и шептала что-то нежное, утоляющее душу. Ее шепот касался моей кожи, я слышал губами, как шевелятся ее губы. Но я настаивал на обиде, как будто моя девушка была виновата в хамстве Семушкина. Мы как бы поменялись с ней местами: это я боюсь потерять невинность, не дай Бог забеременеть и остаться с ребенком на произвол судьбы.

Постепенно ее шепот и нежные увещевания взяли свое, я тихо-тихо начал перестраиваться на прежнюю стезю. Начал все сначала: с поцелуя. Я уже не был новичок, я уже знал, что за чем и в какой последовательности.

У Бернса есть стихи в переводе Маршака:

«А грудь её была кругла, как будто ранняя зима своим дыханьем намела два эти маленьких холма. Был нежен шелк ее волос и завивался, точно хмель, и вся она была чиста, как эта горная метель. Она не спорила со мной, не открывала милых глаз...»

Моя девушка тоже не спорила со мной. Была готова на все. Красный свет запрета переключился на зеленый. Путь был открыт, но в этот момент снова раздался стук в окно и раздраженный голос Семушкина прокричал:

— Левка! Ну какого хрена? Тебя в штаб вызывают!

Я откинулся на подушку. Во мне разлилась немота и плоти, и духа. Ну, как можно жить в этом мире, где Бернс и Семушкин и где Семушкин оказывается реальнее?

— Слушай, а может, тебя действительно вызывают? — предположила моя девушка.

Коварство было ей не свойственно, и она не предполагала его в других.

Я посмотрел на часы. Шел второй час ночи. Кто вызывает в такое время? Но так или иначе ночь была испорчена. Я оделся и пошел в штаб. На всякий случай.

Если меня не вызывали, я вернусь и застрелю Семушкина. Правда, у него тоже есть мама, и придется ей писать письмо и объяснять причину. Причина в маминых глазах будет выглядеть неубедительно. Ладно, не застрелю. Но изметелю. Буду топтать ногами. Я как-то не учитывал, что Семушкин на треть метра выше меня и на тридцать килограммов тяжелее и вряд ли он захочет лежать под моими ногами и меланхолично сносить мою ярость. Было прохладно, я шел скоро и ходко. Пространство и время постепенно выветривали из меня мою ненависть. Я решил, что воздействие словом тоже очень сильное воздействие, надо только найти единственно нужные слова и правильно их расставить.

Я мысленно намечал тезисы и не заметил, как дошел до штаба. Штаб располагался в деревянной избе. Я вошел и замер от золотого сверкания. Передо мной в золоте погон и наград, как иконостас, стоял сам маршал. Я узнал его по портретам. Возле маршала присутствовал генерал Самохвалов. Он всегда казался мне величественным, монументальным, но сейчас как-то пожух и потускнел, как будто маршал вобрал в себя весь свет, оставив все остальное в тени — и деревянную избу, и генерала Самохвалова, и меня вместе с моей любовью.

— Печатать умеешь? — спросил маршал.

На столе стояла пишущая машинка фирмы «Континенталь». Такая же стояла у меня дома, на письменном столе.

— Умею,— сказал я.

Я понял, что меня искали как самого образованного солдата.

— Садись, будешь печатать,— велел маршал каким-то домашним, бытовым голосом.

В Америке, например, булочник и президент не то чтобы равны... Нет, конечно, но это два человека с разными профессиями. Один правит страной, другой печет хлеб. Но они оба — люди. Сталин вбил нам в голову иную дистанцию: он — голова в облаках, а ты — заготовка для фарша в его мясорубке. Поэтому, когда сталинский сокол нормальным голосом спрашивает тебя, умеешь ли ты печатать, тут можно в обморок упасть.

Но я не упал. Я сел за машинку, а генерал Самохвалов стал диктовать мне текст. В нем сообщалось, что такого-то и во столько-то Советский Союз объявляет войну Японии. Такого-то — это сегодня, в шесть часов утра. А сейчас два часа ночи. Значит, через четыре часа.

Я отстукал двумя пальцами продиктованные слова. У меня вспотели ладони.

— Можешь идти,— отпустил маршал.

Я поднялся на ватных коленях.

— За разглашение тайны расстрел без суда и следствия,— предупредил Самохвалов.— Понял?

— Да,— сказал я.

Это значит, если я сейчас выйду из штаба и кому-нибудь расскажу, что через четыре часа начнется война с Японией, в меня тут же выстрелят, а потом зароют на полтора метра в землю вместе с моим лучезарным томлением, стихами, моей плотью, никогда не познавшей женщины.

— Ты меня понял? — еще раз переспросил Самохвалов.

— Да,— подтвердил я.

Я повернулся и пошел и был уверен, что мне выстрелят в спину. Мир сталинской политики и уголовный мир имели одни законы: не оставлять свидетелей. Может, не скажет, а вдруг скажет? Зачем рисковать?

Я шел и ждал, как Магда Геббельс, с той разницей, что в нее должны были выстрелить по ее желанию. Она сама об этом попросила.

У тела свои законы. Когда оно ждет любви, оно устремляется к предмету любви, выдвигая навстречу все, что может выдвигаться. Когда оно ждет смерти, оно сжимается до плотности металла, и даже кровь как будто прессуется, а глаза вылезают от нечеловеческого напряжения. Мне казалось, что сейчас мои глаза вывалятся из орбит и скатятся на землю, как две большие густые слезы... А что я мог сделать? Я мог только идти. И я шел. И ждал спиной, участком между лопатками, и от этого мое тело выгибалось, как будто я хотел вобрать в себя свою спину.

Никогда больше я ТАК не боялся.

Вообще в тот вечер, вернее в ночь, я впервые испытал главные человеческие состояния: ЛЮБОВЬ, НЕНАВИСТЬ, СТРАХ.

Я и позже любил, ненавидел, боялся, но уже по-другому. С иммунитетом.

Я шел, а выстрела все не было. Я больше не мог находиться в безвестности, обернулся и увидел, что расстояние между мной и штабом пусто. Никто за мной не идет и никто не целится. Может быть, маршал и Самохвалов сели пить чай. Объявили войну и уселись за самовар или за рюмочку, отметить мероприятие. А возможно, легли спать. Ведь уже третий час ночи. Даже птицы спят в это время.

Напряжение во мне спало и единомоментно превратилось в свою противоположность. Я был уже не твердое тело, а какая-то желеобразная субстанция, которая не могла держаться на ногах. Я привалился к дереву. Мои внутренности будто опали и осыпались в конец живота и пульсировали как попало.

Идти я не мог. Да и куда? К моей девушке? Но запретная тайна заполняла меня от макушки до пят, и для любви там уже не было места. В казарме — Семушкин. Я приду, Семушкин проснется и спросит:

«Зачем тебя в штаб вызывали?»

Я скажу: «Да так, ни за чем».

«Ни за чем не вызывают,— не поверит Семушкин.— Говори...»

И я не смогу соврать. Не сумею. Ложь и тайна (что тоже форма лжи) не удерживаются во мне, как испорченная пища. Мне хочется исторгнуть это из себя, иначе наступит полное отравление организма. Я физически не умею хранить тайны. Из меня никогда не вышел бы шпион.

Я решил пересидеть в лесу до шести утра, до тех пор, пока не начнется война.

— Левка! — услышал я ленивый голос.— Поди сюда!

Я обернулся и разглядел фигуру Валерки Осипова. Он стоял в сером тумане раннего утра и мочился.

— Чего тебе! — Я не двинулся с места. Подозрительно следил за Осиповым. Он мочился шумно и мощно, как конь.

— Иди ближе. Что, я орать буду?

Я сделал два шага в его сторону и снова остановился на безопасном расстоянии.

— Ну подойди, ей-Богу...

Валерка стоял такой полноценный, уверенный в себе. А я такой запуганный, зачуханный, что мне стало обидно за себя.

Я подошел вплотную и бесстрашно посмотрел в его глаза. Снизу вверх, но как бы на равных.

— Ну, чего тебе? — небрежно поинтересовался я.

— Наши войну Японии объявили,— сообщил Валерка, застегивая штаны.

Я оторопел.

— А ты откуда знаешь?

— Мне Самохвалиха сказала: приходи, говорит, ночью. Мой в штаб уйдет. Я говорю: а вдруг вернется? Не вернется, говорит, они сегодня Японии войну объявлять будут.— Валерка застегнул штаны и пошел — легко и красиво, свободный ото всех лишних наполнений в организме.

Я до сих пор помню, как он шел в рассветной мгле и как вообще передвигаются молодые и счастливые люди.

В меня вдруг вернулась упругая сила, и я всю ее употребил в скорость. Я бежал к своей девушке и стучал, стучал, стучал... Она открыла мне — сонная, беззащитная, в шелке волос.

Война с Японией закончилась двумя бомбами на Хиросиму и Нагасаки. Я объявил войну, американцы закончили. Но это было через несколько месяцев.

А сейчас я прижимал к себе мою девушку, как будто держал в руках свою вернувшуюся жизнь. А так оно и есть, ибо ЖИЗНЬ и ЖЕНЩИНА — это одно и то же.

Андрей ВАВРА,
специальный корреспондент Крокодила

Кто первый?

В детстве у меня была игра под названием «Кто первый»: разграфленное поле, горсть фишек и кубик. Бросаешь кубик и передвигаешь фишки, норовя прийти к финишу раньше своего партнера.

Думаю, что сегодня эта игра приобрела особую актуальность.

Прибыть первым сегодня надо не просто из-за какого-то там тщеславия. А просто потому, что всем может не хватить. И даже больше того — потому, что всем безусловно хватить не может. Вот оттого и желательно у прилавка оказаться самым первым. Или на крайний случай хотя бы в первом десятке.

Но желающих оказаться в этом первом десятке обычно бывает слишком много. И потому перед входом в магазины привычными стали металлические ограждения. А также внушительные фигуры стражей общественного порядка. Нынче проблемы справедливого распределения без них никак не решить. Без них может случиться давка, кто-то начнет беспардонно орудовать локтями. Слабых затопчут, робких оттрут. Словом, распределение будет происходить не в порядке общей очереди, а через безобразия и скандалы с телесными повреждениями разной тяжести. И все достанется самым сильным и самым наглым.

Так что большое спасибо тем товарищам из милиции, которые стерегут порядок в местах продажи товаров повышенного спроса.

Впрочем, одно маленькое наблюдение никак не дает мне покоя. А именно: не так давно пришлось мне с талончиком на право покупки побывать в ЦУМе. И там очень скоро после начала торговли эти самые стражи порядка оказались навьюченными разными коробками и свертками. И так они были озабочены приобретением товаров повышенного спроса, что где-то даже отчасти и позабыли про свои обязанности в части наведения порядка.

Понимаю, начальство, видимо, недостаточно думает про материальные проблемы рядовых работников милиции. Но что с того, что я это все понимаю? Ведь страж закона олицетворяет для меня торжество порядка, является гарантом того, что никто не пролезет в очередь сбоку, никто не проникнет с черного хода. В общем, не допустит, чтоб меня, терпеливо стоящего в очереди, обошли всякие там сомнительные наглецы и проныры. А он вместо этого... Нет, в другое время я бы реагировал спокойно. Но когда нет никакой гарантии, что достанется... Какая мне в таком случае разница, кому достанутся мои простыни или сапоги — наглому спекулянту или стражу порядка? Раз в результате они не достались мне в порядке общей очереди.

Эти мои московские наблюдения всплыли после знакомства с одной историей, происшедшей в Крыму. В магазине № 73 села Зерновое Красногвардейского района проходила плановая ревизия. И случилось так, что в момент ее проведения в магазин поступила партия товаров повышенного спроса. А некоторые товары даже в импортном исполнении.

Что в таких случаях надо ревизорам делать? А ничего особенного — спокойно выполнять свои обязанности, которые определены должностной инструкцией. Там, в частности, сказано: бухгалтер-ревизор «контролирует, ревизует, изучает и вносит правлению организации или руководителю предприятия предложения по завозу, размещению, хранению и реализации товаров, пресечению фактов их нецелесообразной внутренней переброски». Но вместо этого одна из четверки ревизоров обратилась к заведующей магазином А. Сахно с предложением о внутренней переброске части товаров лично ей. И обосновала это так:

— Очень нужен подарочек на свадьбу. Сама знаешь, как сейчас туго с товарами...

На следующий день с аналогичной просьбой к Сахно подошла другая ревизорша. А в последний день — и две остальные. Таким образом, пока ничего не подозревающие сельчане ходили мимо закрытых на замок дверей магазина, сноровистые ревизоры активно отоваривались предметами повышенного спроса: Н. Шорсткая — на 450 рублей, Т. Дидушина — на 530, Т. Диманова — на 350. Скромнее всех оказалась ревизор Т. Шебунова — она приобрела только одно детское платьице за 15 рублей. А ее коллеги — 5 пододеяльников, пять пар женских туфель, четыре пары туфель спортивных, два женских пальто, два платья, сапоги, босоножки, сарафаны, джемпер и разнообразную детскую одежду. Всего, таким образом, на 1356 рублей 26 копеек...

Ничего не скажешь, удачной получилась ревизия!

Ну, а вслед за ревизорами появилась милиция. Но в данном случае не для отоваривания. А чтобы занести в протокол: магазин еще не открылся для торговли, а солидной части товаров уже и след простыл...

На судебном заседании всех, конечно, интересовало, отчего это обвиняемая Сахно допустила такое нарушение правил торговли. Ведь по всем отзывам и характеристикам она добросовестный работник и грамотный специалист, неоднократно приводила коллектив магазина к победе в соцсоревновании, награждена значком «Отличник кооперации»...

— Да это же люди нашей системы,— с некоторым даже недоумением отвечала на вопросы прокурора Сахно.— Я не могла не дать им товар. Для меня ревизоры — начальство. Я подчиняюсь их указаниям.

А в конце концов заявила:

— Ревизоры — всегда наши первые покупатели. И раньше так было. Это уже сложившаяся система.

Сноровистые ревизоры проходили по делу Сахно как свидетели — в Уголовном кодексе статьи для них не нашлось. Сами они по закону ничего не нарушили. Состава преступления, предусмотренного УК УССР, в их действиях не усматривается. Они только лишь способствовали совершению преступления, спровоцировали его. И на вопросы судьи заявили:

— А нам никогда не говорили, что мы не можем купить товар в магазине!

То есть, хотя правила торговли и существуют, им не говорили, что они касаются в том числе и ревизоров. Касаются их, пожалуй, в первую очередь...

Когда кругом тотальный дефицит, вполне логично приставить к нему людей — следить, чтоб всем досталось поровну. Поэтому в перечне нужнейших сегодня профессий впереди стоят не философы и моралисты, не программисты и астрофизики, не создатели новых экономических теорий, а именно стражи и охранники дефицита, его учетчики, контролеры и ревизоры.

И чем меньше будет того, что распределять и контролировать, тем больше надо будет этих стражей, учетчиков и контролеров. Тем больше, следовательно, ответственности ляжет на их плечи.

Но чем больше они будут преисполнены важностью стоящих перед ними задач, тем с большим основанием будут считать себя вправе иметь определенные привилегии. Именно по части, например, первоочередного отоваривания. Вот ведь какую тут обнаруживаешь неприятную психологическую закономерность!..

В результате товаров будет еще меньше, очереди у магазинов — еще злее и гуще. Что, естественно, чревато стихийными взрывами. А значит, надо учитывать еще строже, ревизовать еще старательнее. Значит, важность работы этих товарищей вырастает до размеров неимоверных. Становится для страны поистине судьбоносной. А значит, у надзирателей за дефицитом тем больше оснований оказаться у скудеющих прилавков раньше многодетных матерей, инвалидов войны и даже кавалеров ордена Славы трех степеней...

Крымская область.

КРОКОДИЛЬСКИЕ ПОСИДЕЛКИ

Прочитал в № 34 (1990 г.) «Матренины заботы» Михаила Тычкова. Плохо, что Михаил Тычков не упоминает, в какой деревне это было. Но, судя по именам — Матрена, Макариха, Параха, Спиридон,— это где-то в России. А спросил бы Михаил Матрену, как у нее на сегодняшний день со сном. Руководители страны бабку Матрену нынче и не на такие думы могут настроить, может и совсем сон потерять...

А. КЫШТЫМОВ,
г. Темиртау.

Констатирую с большим сожалением: с каждым годом перестройки Крокодил стал все больше забирать «вправо». Из боевого, остро бьющего журнала народа он превратился в слугу КПСС. И бьете по мелочам! Прочел «Почему вы не ругаете Горбачева?» и так и не понял, почему нельзя критиковать Президента, Полозкова со свитой, Ельцина. Любую критику в адрес руководства вы уже заранее именуете «площадной бранью» и «ату его»!

С. НИКОНЕНКО,
г. Владивосток.

Первые номера в этом году ознаменованы потерей юмора и увеличением сатиры. В последнее время даже М. Жванецкого слушаешь без восхищения. Все злоба, злоба... А настоящую правду читаешь только в газете «Правда».

Радомир ГРИГОРЬЕВ,
Московская область.

Раньше, до испытания гласностью, критиковать надо было умело, изощренно. А теперь что? Вседозволенность. Тяп-ляп, и готово. Особых усилий не требуется. Об этом надо подумать Крокодилу.

И еще. Раньше смотрели так: вот это — страна, а вот это — ее промахи. Промахи надо громить, а страну — беречь: это наша Родина. Теперь же понятие «Родина» исчезло в хаосе, затерялось в сумбуре понятий, даже географически. Поэтому и бьют наотмашь, в белый свет как в копеечку. Интереса нет, есть озлобление. Мое пожелание, чтоб журнал не терял Родину, чувствовал ее боль и помогал, чем мог. Хотя я с уважением отношусь к Крокодилу, в журнале много талантливого и полезного.

Успеха вам и побольше здравого смысла.

А. МАТВЕЕВА, ветеран труда,
Ульяновская область.

Дорогой Крокодил! Я твой подписчик с 50-х годов. И на этот год подписался, хотя пенсия — и ста рублей нет. А получил № 36, открываю и... ба! Организована новая партия! Сто первая в нашей стране. Почему не поставили в известность о намерении образовать партию? Где Устав? Сразу на тебе — Манифест! Без обсуждения читателями. А председателем партии избрал себя. Пахнет культом личности! И, главное, сказано, что членом РКП может стать любой... Этого категорически «низзя»! Я и еще два подписчика считаем, что Манифест нужно дополнить по этому вопросу. Если мои замечания будут учтены, я буду решать: вступать ли мне в РКП и останусь ли я подписчиком «Крокодила» ну хотя бы до... 2500 года.

С уважением

М. БУЛАЧЕВ, депутат сельсовета,
Дагестанская АССР.

Ждем тебя мы и месяц, и два...
Где же, зубастая ты голова?
Твой номер двадцать шесть
родился в сентябре.
В Сибирь к нам пришел, увы, в январе.
Но если и дальше так будешь ходить,
Спокойно в болото могешь угодить!

П. ВАЦ,
д. Сучково Красноярского края.

Дорогой Крокодил! Мы очень любим тебя. Но, прочитав «Балаганчик» (№ 34, 1990 г.), были глубоко возмущены, задеты и сами чуть не умерли (ы-гы-гы), увидев нагло передранные у нас Капрановым остроты. Дело в том, что мы — три остряка,— попав в новую школу, начали упорно острить и острим так уже в течение двух лет. К концу первого года нашего «острения» нас уже боялись как огня, и, так как смеяться над нашими остротами уже никто не хотел, нам приходилось под угрозой «кю» (см. фильм «Кин-Дза-Дза») выбивать этот смех. Остроту «Шел парень, споткнулся, упал и умер... в страшных судорогах» мы придумали задолго до того, как тов. Капранов выпустил свои комиксы. Требуем: впредь при публикации подобного материала делать на нас, трех остряков, ссылку. Извините нас за ошибки, так как мы, ученики 10-го класса, сочиняем это письмо на уроке физики при постоянном отвлекании со стороны учителя. О том, что это наши остроты, мы заверяем письмо подписями учеников нашей школы. Могли бы собрать подписей и больше, но язык устал объяснять каждому, по поводу чего это письмо, и просить поставить свою драгоценную подпись.

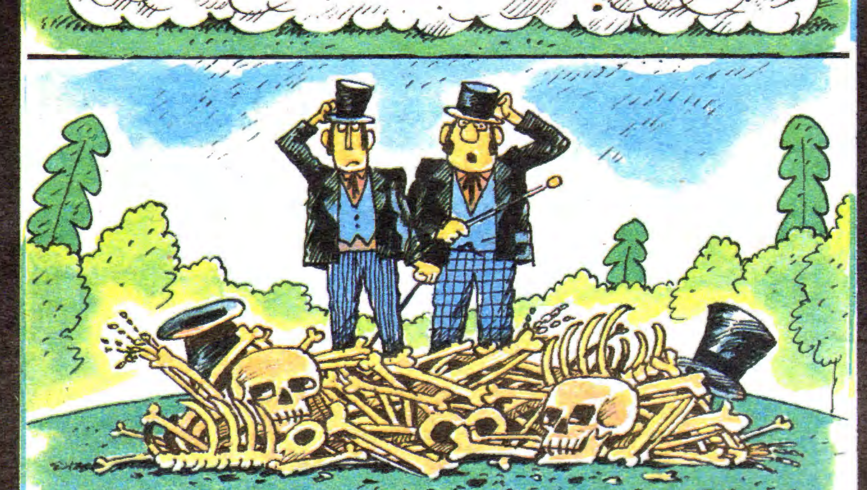
Три ОСТРЯКА и еще 79 подписей учеников школы № 358,
г. Москва.

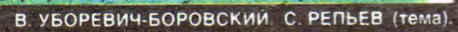
«Крокодил» самый центровой журнал! Читаю его с удовольствием. И на 91-й год оформил подписку. Подорожание подписки — мелочь по сравнению с тем, какую радость получаешь.

С. ДРОНОВ, *г. Архангельск.*

В нашей деревушке «Крокодил» стал дешевле, а подписчиков больше. Было пять, а стало пятнадцать: Крокодил, спасибо ему, подсказал и нам «соображать на троих». Еще и в конторе поручили уборщице подшивать номера: зашел человек — читай, смотри и смейся на здоровье!

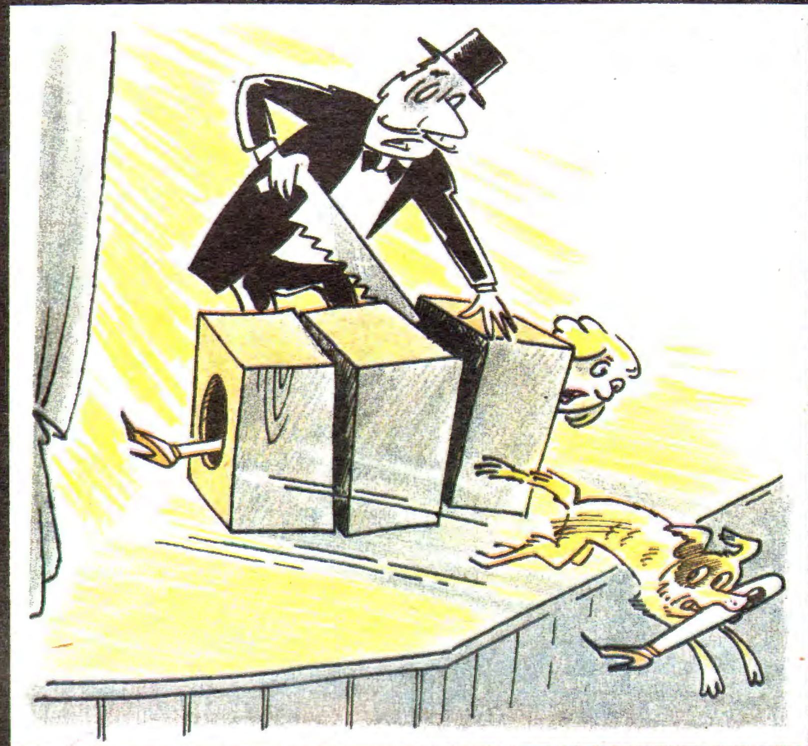
Н. ЖУКОВ,
Курганская область.



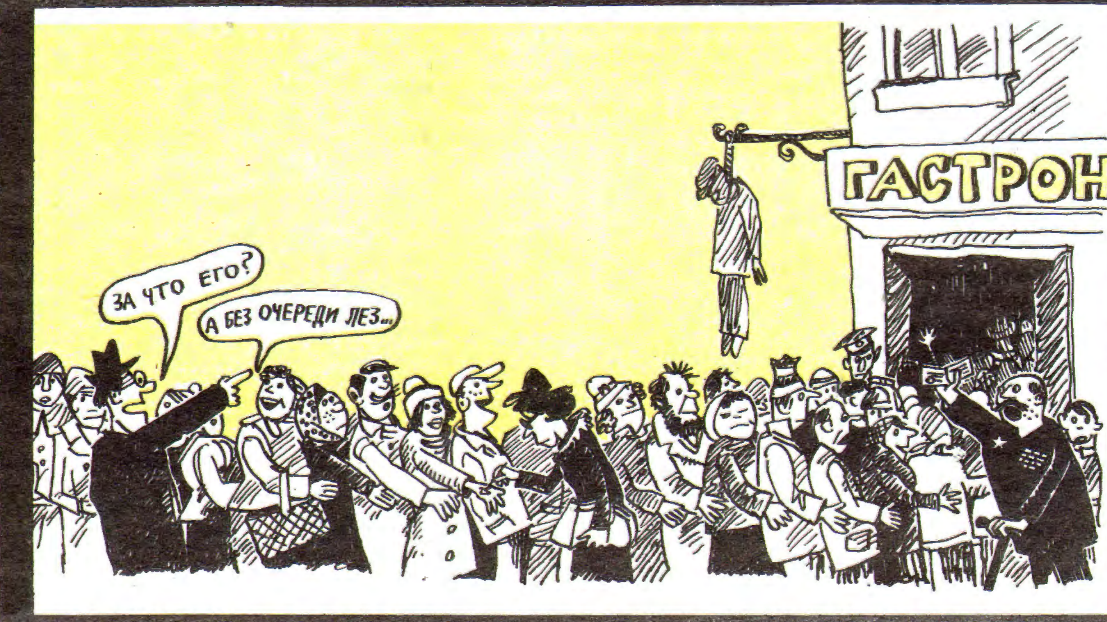


В. УБОРЕВИЧ-БОРОВСКИЙ, С. РЕПЬЕВ (тема).

В. ТИЛЬМАН.



В. МОХОВ.



С. СПАССКИЙ, Т. ФЕДОРОВА (тема).

К. ГАСТЕВ.

▶ Со стр. 4.

МАШИНА

ее с милицией? Беда, но даже человек, пришедший за помощью сам, а не доставленный принудительно, никогда не знает, что пишет о нем врач, правду ли пишет. А вдруг раздувает, утяжеляет историю болезни, чтобы выглядеть потом молодцом: вон какой у меня дисфункциональный был пациент, а я его вылечил подчистую!

И посадил доктор пришедшего к нему в психдиспансер Кухарева, и пошло:

— Пил ли папка? А сам когда выпил первую рюмку? Как прошла, колом или соколом? Двунадесятые праздники в церкви — это что? Мальчишки всегда кому-нибудь подражают — ты кому подражал? Первая девушка — что запомнилось в ней, коленка, имя или пупок?

«Попал,— думал с тоскою Виктор Михайлович.— Та же гадалка, только с верхним образованием».

Но, человек обстоятельный и честнейший, на все вопросы без утайки или криводушия отвечал наш электрик. А после состоялись десять сеансов гипноза — и как рукою сняло все тревожные сны. А после были суды и прочие разборки — и перед лицом фактов отпало всякое очернительство, и множество гонителей Виктора Михайловича (ну, признаем, пока еще не особо высоких рангов гонители) было наказано, а самого Кухарева бесповоротно восстановили на работе с оплатами за вынужденный прогул. Не обошлось в этом деле и без печати. Да, затянуло Кухарева в человекожомную нашу машину, раздавило почти по грудь, ведь просто поперек горла стоял в Волгограде Кухарев, этот сгусток человеческого достоинства, многим видным партийцам, начальникам и правовикам, но скалой встал на защиту рабочего корреспондент городской вечерней газеты Ю. Г. Водольский. И отбил, защитил рабочего!

Однако, граждане, крайне беспочвенно указывается в одной опере, что «полна, полна чудес могучая природа». И в марксистско-ленинской, скажем прямо, природе никогда не было такого чуда, чтобы малого размера человек нанес обиду руководящему жрецу, а тот бы об этой обиде за большой работой и попечительством о благе народа забыл. Нет, никогда не забывают они!

И вот была в ведении коммунального босса Галушкина техник-смотритель Марченко. Проживала в служебной комнате. Галушкин не любил Марченко, он любил Юрченко. Потому как Юрченко была командиршей жизни — директором продмага № 15. И была у Юрченко родная сестра Пащенко, тоже, конечно, продавец продмага.

Вот в Англии говорят: любишь меня — люби мою собаку. А на Волге говорят: любишь меня — люби мою сеструху.

Короче, поворковала с Галушкиным завмаг Юрченко, тот вызвал работников, каких надлежит, и — нет для Галушкина ничего невозможного! — тайно была прописана Пащенко на жилплощадь Марченко. Так сказать, вторым слоем. И ложится, допустим, спать ничего не подозревающая Марченко, а на нее, на техника-смотрителя, как бы незримо вторым слоем ложится продавец продмага Пащенко.

— А наша милиция? — закричите вы.— Ведь паспортный режим, прописка — это ее епархия. Почему не разоблачили Галушкина?

А как может вал или кривошип одной и той же машины разоблачить в ней зацепленную с этим же валом шестерню или кулису? Ведь одно это и неразливанное целое — наша милиция и наши галушкины. Да, захаживала милиция к технику-смотрителю Марченко (у милиции большинство тайных осведомителей — из этой категории граждан: какова обстановка в микрорайоне, кто живет не по средствам, кто к кому подозрительный шастает. Нормальная оперработа). Но и в голову не приходило операм, что сама квартира, которую они посещали, есть предмет криминальных упражнений Галушкина.

И вовсе тихо замялась бы история с Марченко-Юрченко-Пащенко, но встрял в это дело электрик Кухарев, заголил до корней безобразие, пошел и в обком, и в горком: до коих пор наша жизнь будет нравственным и бандитским свинарником?

Он-то пошел в обком, а Галушкин сочинил на Кухарева поносную характеристику и отправил в горпсихдиспансер. В общем, здраво он поступил, на манер карельских начальников, говорящих строптивым призывникам: «Не хочешь идти в солдаты — пойдешь в Матросы».*

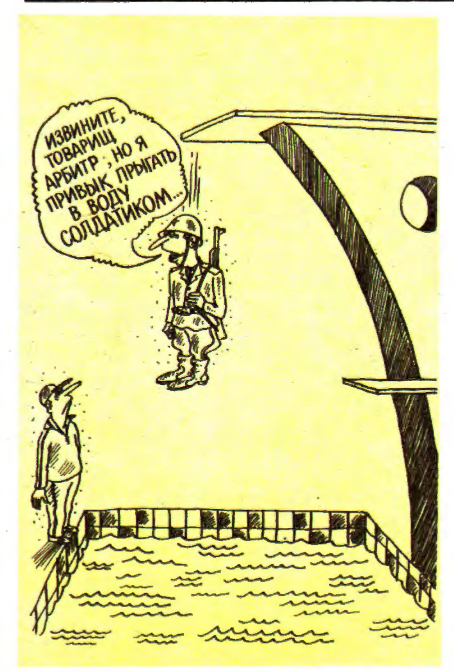
Прав был Иешуа-Христос, пуще всего опасавшийся человека с козлиным пергаментом. Так вот и простяга Кухарев, пришедший в психдиспансер по поводу своих океанических снов, не знал и не ведал, сколько измарано бумаги по этому поводу, что поставлен друг наш электрик без всякого ему уведомления на психиатрический учет, и грязнейшая произведена попытка выдать непризыв Кухарева в армию по молодым годам не в связи с шахтерством за Полярным кругом, не в связи с гастритом, а в связи с психическим заболеванием. Диагноз которого — психопатия истероидного круга. Хотя по секрету от многоумных психиатров скажу вам, что психопатия — это никак не болезнь, а всего только состояние. И, честно сказать, препроводи меня прокуроры после любого моего песоченья, экзекуции и выволочки за дерзкое сочинение в высшем нашем парторгане к психиатрам — неминуемо и мне поставили бы они диагноз: психопатия истероидного круга. И тебе, здоровый мой читатель, после посещения тобою продмага или сберкассы вклеили бы, с постановом на учет, маниакально-депрессивный психоз, если не латентную шизофрению. Без внимания к тому, что и я, и ты, читатель, и Кухарев — мы абсолютно здоровы, как здоров и большой мой друг, сторож зоопарка, хотя уже много лет, экономя электроэнергию города, он перед обедом разогревает котлеты, завернув их в целлофан и засунув в задний проход бегемота.

г. Волгоград.

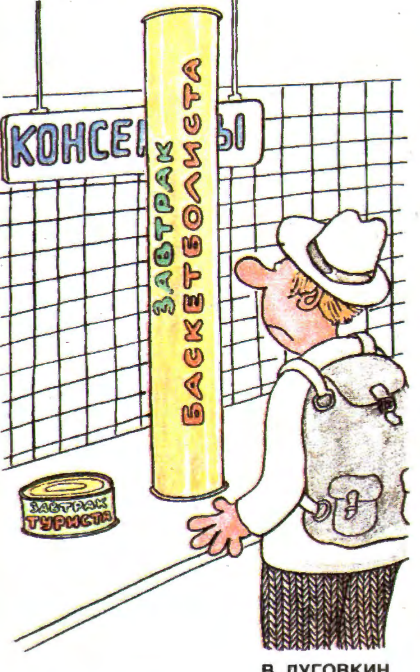
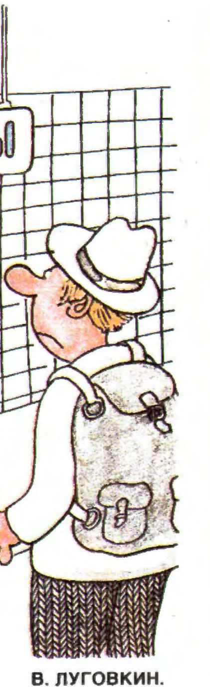
Окончание следует.

* Матросы — психбольница под Петрозаводском.

КРОКОДИЛИНКИ



В. ДУБОВ.

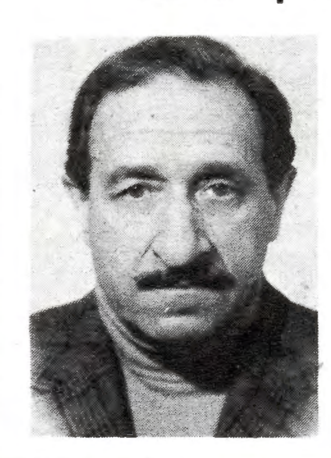



В. ЛУГОВКИН.

А. УМЯРОВ.

В. ВЛАДОВ.

ПРОЩАНИЕ С МАСТЕРОМ



В нашем сатирическом цехе крупная потеря. Умер Морис Романович Слободской. Его первые фельетоны были опубликованы в журналах «Безбожник» и «Крокодил» в самом начале тридцатых годов. Таким образом, он отдал сатире и юмору шестьдесят из семидесяти семи.

Впервые я встретился с Морисом Слободским на Западном фронте в декабре сорок третьего в заснеженном лесу под Смоленском. Кто-то из моих связистов принес к нам в землянку раздобытый неведомыми путями, зачитанный до дыр номер журнала «Фронтовой юмор». Там были напечатаны стихи Д. Бедного, С. Маршака, М. Исаковского, рисунки Кукрыниксов, Л. Бродаты. А под ядовитыми, задиристыми частушками «Вести из берлоги» стояла пóдпись «М. Слободской». Он же, как оказалось, был и одним из редакторов журнала.

Об этой далекой и тяжкой поре мы вспоминали с ним уже в начале шестидесятых, когда мне как редактору отдела литературы «Крокодила» довелось готовить к публикации в пяти номерах журнала комедию «Гурий Львович Синичкин», одним из авторов которой был Морис Романович. Человек необычайно деликатный, интеллигентный, как истый петербуржец, щедро наделенный матерью-природой редким даром юмориста, он никогда не кичился ни своими фронтовыми наградами, ни литературными регалиями. Хотя к тому времени в соавторстве с В. Дыховичным он уже выпустил десяток книжек, в том числе и в библиотеке «Крокодила», у них с огромным успехом шли во многих театрах страны пьесы «Факир на час», «Где эта улица, где этот дом?». Много лет не сходила со сцены прославленного Театра сатиры и комедия «Гурий Львович Синичкин».

В титрах блистательных, нестареющих кинокомедий «Операция «Ы» и другие приключения Шурика», «Кавказская пленница», «Бриллиантовая рука» не одно поколение любителей кино будет читать имя Мориса Слободского.

Нет, Мастер весь не умирает. Он продолжает нести живущим свет добра, заставляет их смеяться над тем, что смешно, делает их жизнь осмысленнее и краше.

А. СУКОНЦЕВ.

Вместе с читателями и зрителями крокодильцы скорбят по поводу кончины Мориса Романовича Слободского. С нами будут жить его фельетоны и книги, пьесы и фильмы.

Харухито СУМИКАВА,
директор московского бюро японской газеты «Асахи симбун»,— специально для «Крокодила»

В МОСКВЕ НЕ СОСКУЧИШЬСЯ

В чужой стране всегда интересно. Каждый день открываешь что-нибудь новенькое. И размышляешь: ну почему у них так, а у нас иначе? Вот и в Москве я не устаю удивляться и размышлять над увиденным.

Возьмем, к примеру, телефон. Не телефон вообще, а тот конкретный аппарат, который стоит в моем московском кабинете. К счастью или скорее к несчастью, он выглядит в точности, как японский. Поэтому я без колебаний взял трубку и стал набирать нужный мне номер.

— Алло! — произнес молодой женский голос.

Я ответил:

— Гаспадин Иванов можина?

Учтите, что этими тремя словами исчерпывается мой запас русских слов. Вся надежда была на то, что мистер Иванов умеет говорить по-английски. Поэтому, как только я с ним соединюсь, никаких проблем у меня не будет. Однако молодая леди не ответила желанным «да». Вместо этого она запустила какую-то длиннейшую фразу. «О боже, о чем она?!» — подумал я. Я изо всех сил пытался сообразить, что она мне втолковывает, и в конце концов решил, что, наверное, она сказала: «Его сейчас нет на месте, поэтому, пожалуйста, позвоните позднее». Я поблагодарил и повесил трубку.

Через десять минут я позвонил вторично. Я знал, что мистер Иванов не может отлучиться надолго, ибо именно он просил меня позвонить ему точно в это самое время. Я повторил:

— Гаспадин Иванов можина?

Ее ответ прозвучал в точности, как и в первый раз. Повесив трубку, я подумал, что, вероятно, слегка огорчил милую девушку своей непонятливостью. Ведь она так старалась, бедная, объяснить мне нечто большее, чем можно выразить лаконичным «его нет». Но, как бы там ни было, мне оставалось только набирать и набирать номер телефона ивановского офиса, что я усердно и проделывал покрасневшим указательным пальцем.

К тому времени, когда я позвонил в четвертый раз, дама рассвирепела настолько, что накричала на меня. Это было ужасно! Что-то тут было не так... К счастью, в этот момент пришла моя секретарша, и я передал телефонный аппарат в ее распоряжение.

— Вы неправильно набираете номер, Сумикава-сан. Эта женщина говорит, что никакого Иванова там нет,— сказала моя секретарша.

Я неправильно набирал? Беру визитную карточку, врученную мне мистером Ивановым. Там значился именно тот номер, который я набирал. Может быть, меня подвел мой палец? Поэтому я аккуратненько еще раз, но с великим тщанием и сверхвниманием набрал номер, и опять подошла та же самая девица. Я мгновенно опустил трубку, чтобы ускользнуть от потока ее брани, и поздравил себя с тем, что еще сохранил юношеское проворство.

Но радости от этого, в общем, было мало, поскольку дело-то оставалось несделанным. Решив, что на визитной карточке Иванова номер набран с опечаткой, я перестал звонить. На следующее утро мне позвонил сам мистер Иванов. Я пожаловался ему на опечатку в его визитной карточке. К моему изумлению, я услышал в ответ суровую отповедь. Он настаивал, что номер на визитке абсолютно правильный.

— Если сомневаетесь, пожалуйста, позвоните мне сейчас же,— предложил он. Конечно, я позвонил и услышал его торжествующее восклицание:

— Ну, вот видите! Набирать надо правильно!

Говорят, что Россия — загадочная страна. Пока что для меня загадка только русский телефон.

Постепенно я стал привыкать к вашим телефонам. Я понял, что телефон в этой стране — штука весьма капризная. Набираешь правильно — попадаешь неизвестно к кому. Впрочем, я сам тоже довольно часто получаю ложные звонки. В Японии, если вы попали не туда, куда следует, вам остается только принести извинения человеку, которого вы напрасно побеспокоили. Ваши люди редко приносят извинения. Они готовы винить телефон, министра связи, происки кооператоров, нечистую силу, но только не себя за то, что ошиблись номером. Часто они даже весело интересуются: «А куда это я попал? А какой у вас номер?» Любознательность — прекрасная черта. Жаль, что некоторые японцы, работающие в Москве, этого не понимают и полагают, что русские попросту недостаточно вежливы, чтобы выговорить: «Простите!»

Поначалу меня сильно раздражали эти ошибочные звонки. Но теперь они меня не волнуют. Привык. Тем более что внутримосковские телефонные приключения — это милая детская забава по сравнению с попытками прозвониться за границу.

Когда бы я ни вызывал Токио, я молю бога, чтобы телефон оказался в добром расположении духа. Но, так как всевышний почему-то меня персонально недолюбливает, я заранее готовлюсь к десяти — пятнадцати попыткам.

Выглядит это примерно так.

После первого набора — пауза и коротенькие гудочки: «Ту-ту-ту». Говорю себе: «Ну, все, как обычно,— линия занята и неизвестно, когда освободится. Будем методично продолжать».

Набираю вторично — «ту-ту-ту». «Ничего, ничего, главное, не нервничай, милый»,— успокаиваю себя.

Третий раз накручиваю диск. Снова те же гудочки, приятные, как зубная боль. «Конечно,— говорю я себе,— нельзя полагаться на везение. Стисни зубы и трудолюбиво крути. И ничего не загадывай».

Пятый набор. Тот же результат. Спокойно. Не думать о харакири. Взять себя в руки. Однако что происходит с этим телефоном? Неужели линия так беспросветно забита? Не может быть.

Шестой раз. Те же гудочки, но я их уже близко к сердцу не принимаю, ибо к этому времени разыгрывается воображение. А вот интересно, думаю я, у Горбачева те же трудности с телефоном? Неужто кремлевские лидеры тоже с утра до вечера терзают телефонный диск? Нет, это невозможно. Наверняка у них там имеется специальный человек — «крутильщик телефонного диска». С удовольствием воображаю, как спецкрутильщик мозолистым пальцем набирает телефонные номера, изрыгая ругательства по адресу технократов, отказавшихся от голубиной почты в пользу телефона. Однако пока расшалившаяся мысль рисует комические сцены, палец мой автоматически продолжает вращать диск.

Седьмая попытка. Тонкий, пронзительный писк, и записанный на пленку голос оповещает: «Неправильно набран номер».

— Мужество и еще раз мужество, Сумикава-сан,— приказываю я себе.— Истерикой ты оскорбишь дух своих самурайских предков.

Восьмая попытка. Едва я набираю восьмерку в наивной надежде соединиться с международной телефонной станцией, как тут же слышу до боли знакомое «ту-ту-ту».

Победа не за горами, объясняю я себе. Пойми, что, хотя набор называется автоматическим, на другом конце провода сидит живая операторша, которой надоели до чертиков твои упрямые попытки прозвониться. А поскольку она не робот, а живое существо, значит, терпение ее вот-вот лопнет, и ей не останется ничего другого, как соединить тебя с Токио.

Девятый набор. Удалось набрать все цифры до конца, но в награду все то же умопомрачительное «ту-ту-ту».

Десятый заход. Наконец-то Токио! Но, увы, изнемогши в борьбе с телефоном, не могу вспомнить, что я хотел сказать своим коллегам в Токио. Пока я мычу, вспоминая, они уже отключились. И вот каждый день я вынужден забавляться таким манером. Не менее часа ежедневно уходит на крутежку диска. Ну и что? Абсурдно жаловаться на такие мелочи в Москве, где люди часами стоят в очередях. Зато хоть есть время помечтать в свое удовольствие, пока крутишь. Кроме того, закалка терпения. Так что, быть может, мне еще следует поблагодарить ваше Министерство связи?

Хотя Москва полна подобных интересных явлений, есть и кое-какие разочарования. До того как я сюда приехал, я читал о знаменитых крамольных разговорах на кухне. Когда поначалу меня приглашали в какую-нибудь русскую семью, я ждал, что вот сейчас приму участие в захватывающих дух кухонных откровениях. Однако пока еще ни разу никто из моих московских кухонных собеседников не завел разговора о тайных кознях КГБ или борьбе за власть в Кремле. Вместо этого мои собеседники говорят только о картошке, яйцах, колбасе и талонах. Так умирает романтика.

Работавшие до меня в Москве корреспонденты советовали: если у тебя в квартире прорвет водопроводную трубу, не нужно листать телефонный справочник в поисках номера аварийной службы. Следует просто-напросто громко крикнуть в стену: «Трубу прорвало! Заливает!» И тут же неизвестно откуда появится молчаливый, подтянутый водопроводчик в штатском. Как вы догадываетесь, я решил испробовать этот прием. Случай скоро представился. В квартире забарахлил выключатель света, и я заорал в стену: «Караул! Свет погас!» Но ничего не произошло. Электрик с военной выправкой, на которого я так рассчитывал, не появился. Пришлось прибегнуть к традиционному, чтобы не сказать, пошлому способу — с трудом заманить к себе какого-то ханурика, который за бутылку водки с грехом пополам починил выключатель.

Не знаю, подслушивает ли еще Большой Брат за стеной или нет, но аварийную техпомощь он уже не присылает. Это точно.

Благодаря перестройке жизнь в Москве становится все менее экзотичной для корреспондента из капиталистической страны. Никто не клеймит японских милитаристов, место классовых врагов в московской прессе заняли вульгарные мафиози. Разговаривая с людьми, я иногда забываю, что нахожусь в социалистической стране, основанной Лениным. Только магазины, где вам не приходится ломать себе голову над выбором товаров, напоминают о том, где я нахожусь.

Поэтому, когда интуристовский чиновник сухо сообщил мне, что мой вылет переносится с дневного на вечерний рейс, не посчитав нужным узнать, согласен ли я с таким переносом, я с удовольствием констатировал, что этот хрестоматийный тип советских бюрократов еще не вывелся. Боюсь, что такого рода экземпляры исчезнут после наступления эры рыночной экономики. И тогда придется создавать специальный археологический музей советологии, чтобы люди могли взглянуть на этих ископаемых. А пока еще Москва полна любопытнейших достопримечательностей, что очень даже скрашивает существование японского корреспондента.

Перевел с английского М. ВИЛЕНСКИЙ.

Магдалена САМОЗВАНЕЦ
(Югославия)

ТАКАЯ ХОРОШАЯ ПЬЕСА

Действующие лица:

ДРАМАТУРГ
ДИРЕКТОР ТЕАТРА
СЕКРЕТАРША

В приемную входит драматург. Выглядит обыкновенно.

ДРАМАТУРГ. Скажите, пожалуйста, господин директор у себя? Моя фамилия Комич.

СЕКРЕТАРША. Директора нет.

ДРАМАТУРГ. А если он здесь, что тогда?

СЕКРЕТАРША. Тогда он вас не примет, потому что очень занят.

ДРАМАТУРГ. Сейчас убедимся. *(Открывает дверь кабинета).* Господин директор, прошу вас на минутку!

СЕКРЕТАРША. Какое безобразие! Я же сказала вам, что его нет.

ДИРЕКТОР *(выходит в приемную).* В чем дело? А, это вы, господин Комич? Прошу. Что нового?

ДРАМАТУРГ. Как что? Год тому назад я послал вам пьесу «И черти имеют крылья».

ДИРЕКТОР. Блестящее название!

ДРАМАТУРГ. Правда? И я до сих пор не получил ответа. Даже не знаю, читали ли вы пьесу.

ДИРЕКТОР. Конечно, читал! Знаете, дорогой, мы даже хотели включить ее в репертуар...

ДРАМАТУРГ. Это для меня приятная неожиданность...

ДИРЕКТОР. Но потом пришли к выводу... На первой, знаете ли, репетиции... Короче, нас не удовлетворяет ее профиль!

ДРАМАТУРГ. А фас?

ДИРЕКТОР. Хе-хе, вы, как всегда, шутите. Впрочем, вы все понимаете. Пришлите нам что-нибудь другое. У вас наверняка найдется...

ДРАМАТУРГ. Прошу вас тогда вернуть мне пьесу. Может, удастся поставить ее где-нибудь в провинции.

ДИРЕКТОР. Госпожа Дануся, прошу вас, найдите рукопись пана Комича. Хотите закурить? Как ваша жена?

ДРАМАТУРГ. Жена?

ДИРЕКТОР. Ну да. Она не больна?

ДРАМАТУРГ. Нет. Она купила новую шляпу.

СЕКРЕТАРША. Прошу вас, вот рукопись. Какая толстая!

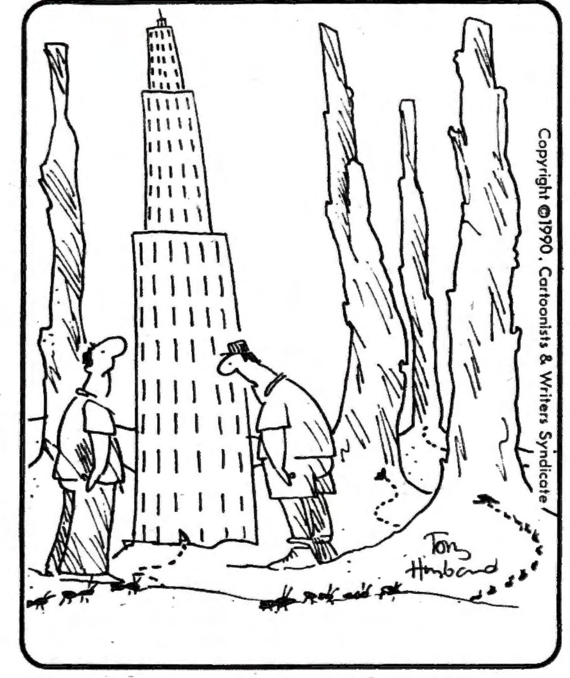
ДРАМАТУРГ. Разрешите, я ее здесь распакую. Мне хотелось бы посмотреть, все ли на месте. *(Распаковывает сверток, и перед глазами собравшихся появляется толстая заплесневелая «салями»).*

ДИРЕКТОР. Что это?! Кто положил сюда эту колбасу?

ДРАМАТУРГ. Я положил. Я сам лично послал вам эту колбасу почтой год тому назад, чтобы убедиться, читаете ли вы пьесы.

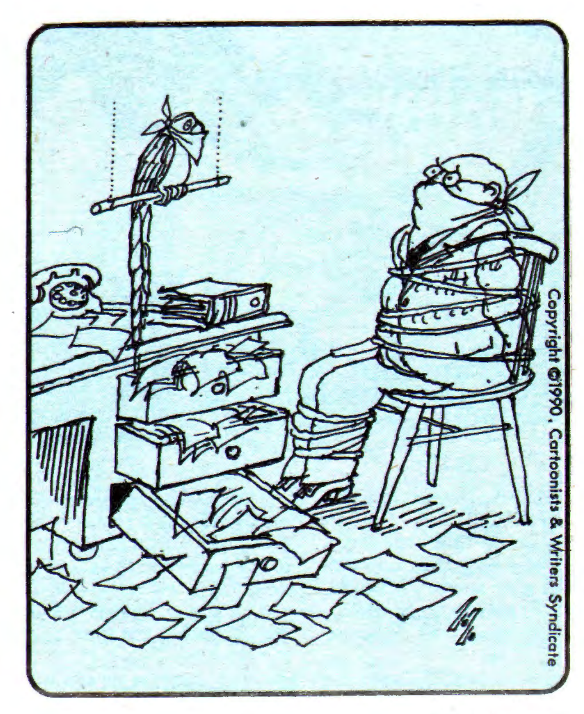
СЕКРЕТАРША. Она уже заплесневелая. Жаль! Хорошая пьеса была.

Перевела с сербского Я. КУНИНА.



— Поразительно, какого уровня развития достиг этот вид муравьев.

ХАЗБЕНД, Англия.



ЗОЗО, Польша.

Ион ТИПСИЕ (Румыния)

МОЯ ЗВЕЗДА

Однажды на пляже моя хорошая знакомая, имя которой я предпочитаю не упоминать, упрекнула меня:

— Дорогой, ты совсем не заботишься о своем завтрашнем дне. Сходи к астрологу, узнай свое будущее, приготовься к встрече с неизвестностью.

Кое-какие неприятности, огорчавшие меня время от времени, говорили в пользу ее аргументов. Я нашел астролога, заплатил неимоверно высокую таксу, и мы вместе вышли на улицу. Был прохладный, исполненный таинственности вечер.

— Вот она, твоя звезда! — указал он на светящуюся, быстро перемещающуюся в бескрайних просторах вселенной точку.

Густые сумерки не смогли скрыть внезапной бледности, появившейся на лице звездочета.

— Твоя звезда закатывается, скоро она упадет в море. Я вижу, что ты человек серьезный, в галстуке, с сильной волей, иначе я не осмелился бы сказать правду: «Человече, твои дни сочтены!» Нет, что я говорю?! Тебе не увидеть даже свет утренней зари! Прими мои соболезнования!

Я был поражен, сердце мое сжалось в предчувствии катастрофы. Но, примирившись с неизбежным, я перед самым закрытием магазинов приобрел комфортабельный гроб, букет гвоздик, кофе, бутылку коньяка и книгу «По ту сторону». Сигареты у меня были.

Я приготовил крепкий кофе, наполнил стакан коньяком, закурил сигарету и расположился со всем этим хозяйством на берегу моря. Взошла луна, легкий бриз тянул с моря, словом, ночь прошла незаметно. Утром я чувствовал себя превосходно. Веря в прогноз, я пролежал на берегу до самого обеда. Но в конце концов сомнения меня одолели, и я вновь предстал перед прорицателем.

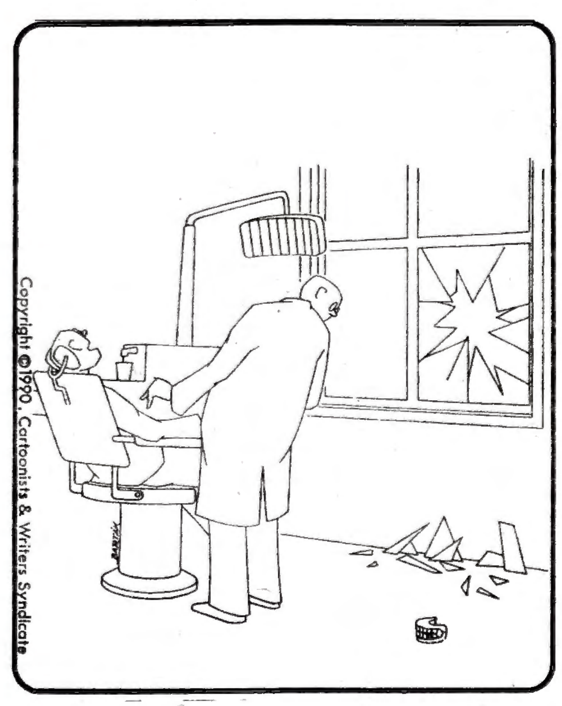
— Шарлатан,— заявил я прямо ему в лицо.— Согласно твоему предсказанию, я должен уже быть в могиле.

— Тебя что-то не устраивает? Да ты ноги мне должен целовать. Неблагодарный! — И он обиженно захлопнул дверь перед моим носом.

Произошла ошибка. Астролог спутал мою звезду с «Салютом-7».

Перевел С. БЕДНОВ.

●



'ТАК, Чехословакия.

●

Два приятеля-туриста оказались в Дании.
— Ну и ветрище тут! — восклицает один.
— Ничего удивительного. Посмотри, сколько здесь ветряных мельниц...

●

Две секретарши обсуждают своих начальников.
— Мне мой нравится, но, к сожалению, он слишком педантичен.
— В каком смысле?
— Он утверждает, что все слова пишутся строго определенным образом.

●

Муж, только что назначенный вице-президентом фирмы, так похвалялся этим перед женой, что та не выдержала и сказала:
— Подумаешь, вице-президент. Вон в овощном магазине есть даже вице-президент по сливам.
Муж обиделся и, решив доказать жене, что она ошибается, звонит в магазин и просит вице-президента по сливам.
— Которого из них? — последовал ответ на том конце провода.— По упакованным сливам или по развесным?

●

Кандидаты для работы на плотине должны были сдать письменный экзамен. Первым вопросом стояло: «Что означает "гидродинамика"? Один из экзаменующихся написал: «Это означает, что работу я не получу».

●

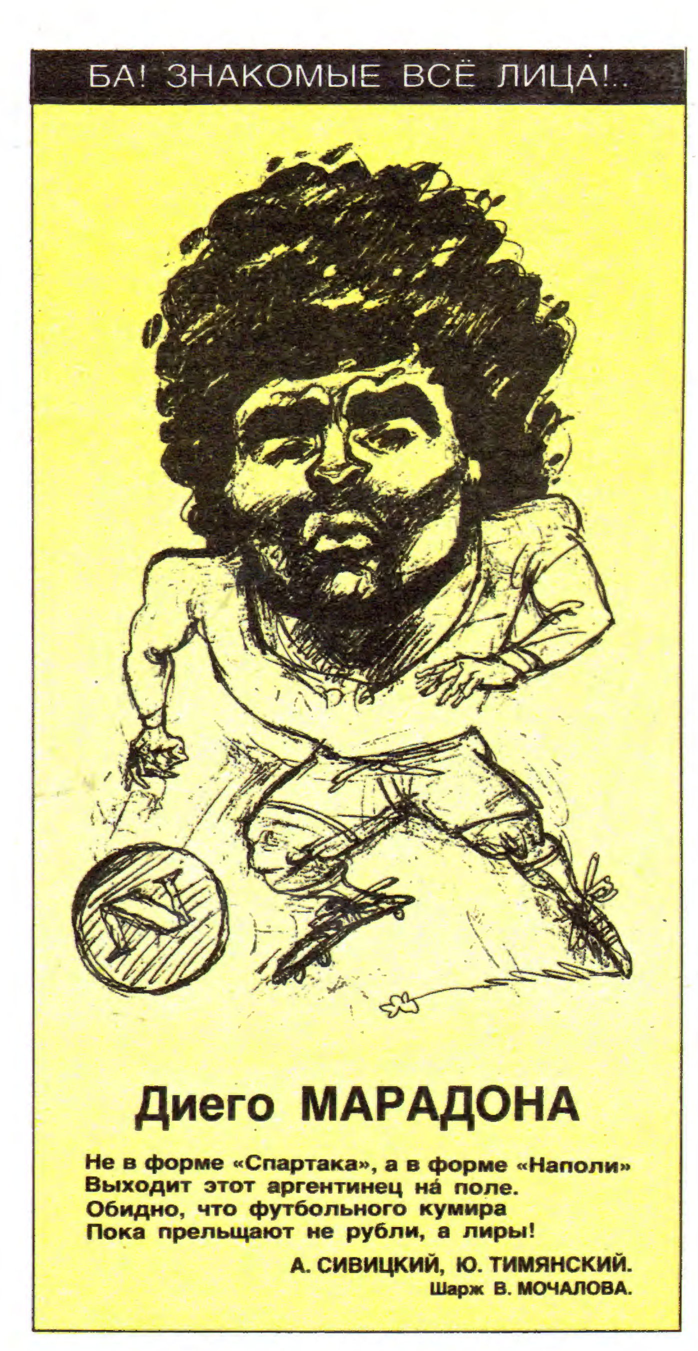
Посетитель отказался от яичницы, которую ему приготовили, под тем предлогом, что цена — 50 центов — для него слишком высока.
— Будьте благоразумны, сэр,— примирительно сказал официант,— посмотрите на это дело с другой стороны. Курица работает за это яйцо целый день!

●

На звонок коммивояжера дверь открыла молодая красивая женщина.
— Доброе утро. Ваш муж дома?
— Нет, к сожалению. Он уехал по делам. Его не будет недели две.
— Ничего, я подожду,— отвечает коммивояжер.

Из книги «Деловой юмор» (США).

БА! ЗНАКОМЫЕ ВСЁ ЛИЦА!..



Диего МАРАДОНА

Не в форме «Спартака», а в форме «Наполи»
Выходит этот аргентинец на поле.
Обидно, что футбольного кумира
Пока прельщают не рубли, а лиры!

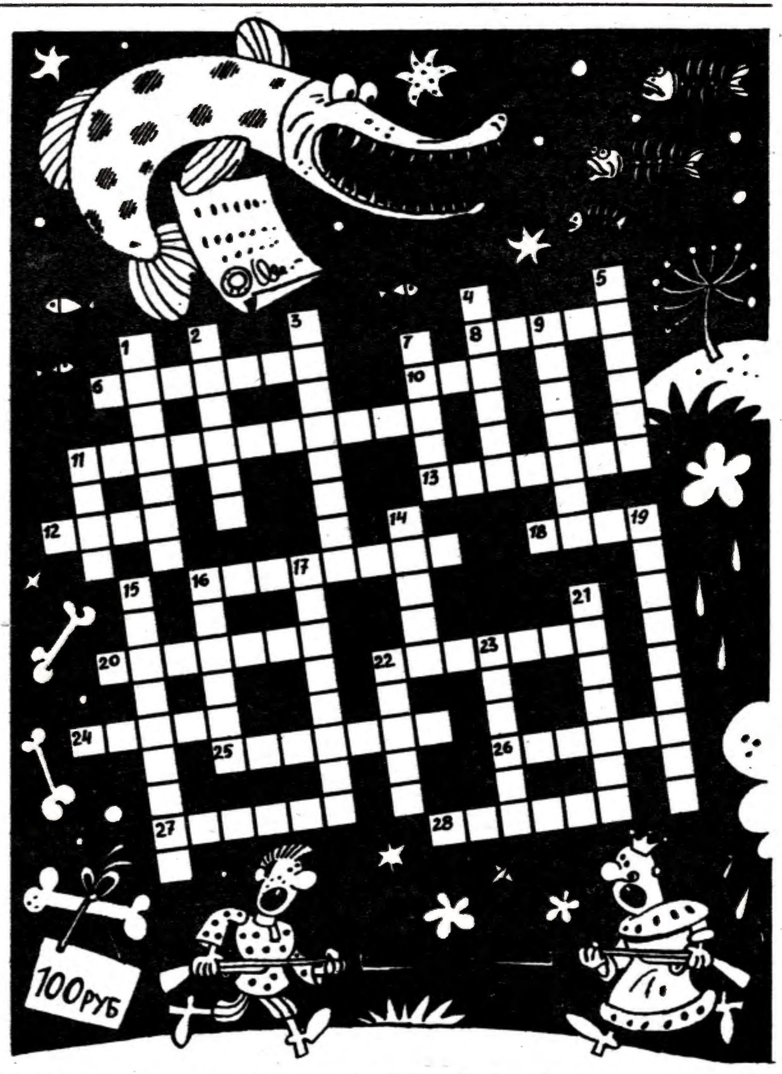
А. СИВИЦКИЙ, Ю. ТИМЯНСКИЙ.
Шарж В. МОЧАЛОВА.

КРОКОДИЛЬСКИЙ ВЕСЕЛЫЙ КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 6. Щучий приказ *(сказ.)*. 8. Трамвай мощностью две лошадиные силы. 10. Самая первая леди. 11. Ценный набор. 12. От двух до пяти *(уголовн.)*. 13. Место, куда посылают в боксе. 16. Прогулка по-французски. 18. Первая часть миража. 20. Когда-то полная кефали. 22. Властный руль. 24. Носительница доли правды. 25. Объект спортотдыха. 26. Проигрышное продолжение п. 13. 27. Шифровка попочтарски. 28. То, что дороже платонической дружбы.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Раз — дощечка, два — дощечка. 2. Эхо зарплаты. 3. Место самоутверждения раков. 4. 1/100 часть ведра водки. 5. Очистные для курильщика. 7. Охотник к перемене мест *(произв.)*. 9. Состояние после п. 26 по горизонтали. 11. Штыковое равенство *(поэтич.)*. 14. Коробка передач. 15. Игрушка для начинающего Родена. 16. Произведение искусства с шершавым языком. 17. Ночной черт *(этимолог.)*. 19. Крокодил по-американски. 21. Вторая часть миража. 22. Повод для анекдота. 23. Тягловая сила в электродинамике.

Составил И. КЮНАВИ.



ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 11

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Сельди. 6. Деготь. 9. Чатуранга. 10. Кошка. 12. Сцена. 14. Порох. 15. Спор. 18. Риск. 20. Падение. 21. Квас. 24. Нора. 25. Палец. 26. Силос. 29. Шкура. 31. Спекулянт. 32. Печаль. 33. Опенок.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Седло. 2. Удача. 3. Пегас. 4. Оттон. 7. Чулок. 8. Сапог. 11. Коромысло. 13. Цирюльник. 15. Сурок. 16. Лопух. 17. Суета. 19. Кишка. 22. Шапка. 23. Метла. 27. Игрец. 28. Ссылка. 29. Штопор. 30. Ропот.

ПО ТОМУ ЖЕ ПОВОДУ

«ОХОТА ЗА ВЕДЬМАМИ» ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В «Крокодиле» № 26 за 1989 год рассказывалось о том, как Госкомиздат УССР сражался с редактором симферопольского издательства «Таврия» С. Сосновским. В пылу битвы чиновники пустили под нож многотысячные тиражи двух толстеньких книг, которые редактировал Сосновский, чем и нанесли государству ущерб в полторы сотни тысяч рублей. А редактора под фанфары выгнали с работы.

После фельетона руководящая часть Госкомиздата во главе с его председателем Ю. Дьяченко дружно посыпала пеплом собственные головы. Они сочинили постановление, в котором гневно осуждали себя за перегибы и присягали на верность идеям Перестройки. В этом документе они хвалили уничтоженные издания именно за то, за что несколько лет назад предавали их анафеме. Более того, «Таврии» предписывалось переиздать одну из этих книг — «За перевалом перевал» и целевым направлением выделялась для этого дефицитнейшая бумага.

В общем, «Перевал» хоть и посмертно, но реабилитирован, а про самого С. Сосновского, который из-за него пострадал, начисто забыли. К этому времени опытнейший редактор с двадцатилетним стажем приобрел квалификацию ночного сторожа, профессионально охраняя вверенный ему объект. В № 28 за 1990 год «Крокодил» напомнил Госкомиздату УССР о судьбе опального редактора. В самом деле, ведь реабилитировать живого человека не менее важно, чем уничтоженную книгу. Но Госкомиздат, видимо, придерживается другого мнения и признает лишь посмертную реабилитацию. Во всяком случае, на второй материал он никак не отреагировал.

Книга же «За перевалом перевал» оказалась воистину роковой. При переиздании она попала к редактору А. Люсому, который вскоре угодил под сокращение штатов. Спасибо профкому: его не дали выгнать и оставили в издательстве на договоре. За его увольнение ратовали директор издательства «Таврия» И. Клоссовский и зав. редакцией краеведческой литературы Г. Гржибовская (оба, кстати, активные участники изгнания С. Сосновского). Вот как описывает события сокращаемый редактор А. Люсый: «Г. Гржибовская требовала, чтобы я признал рукопись непригодной к изданию... Когда я в очередной раз заявил, что признавать этого не собираюсь, она настояла, чтобы книга вышла без редактора, в так называемой «авторской редакции»... И правильно, чего там было редактировать? Ведь книга давно была отредактирована С. Сосновским. Но он-то теперь не редактор, а сторож...

Комментарии, как говорится, излишни. Но очень хочется дополнить эту историю одним любопытным штришком. Еще в 1989 году автор фельетона сидел в кабинете заведующего идеологическим отделом ЦК КП Украины Л. Кравчука, рассказывал ему историю уничтожения безобидных краеведческих книг и борьбы с их редактором. Помнится, Леонид Макарович изобразил на лице усиленное возмущение, твердо пообещав разобраться с этой галиматьей. Но обещание до сих пор так и осталось обещанием.

Сейчас, как известно, Л. Кравчук — Президент Украины. И если правда, что обещанного три года ждут, то срок, глубокоуважаемый Леонид Макарович, неумолимо приближается...

В. ПОДКОВА.

Мухтар ХУДАЙКУЛОВ

МИКРОБАСНИ

ГЛАЗА И ЛОБ

Лоб поссорился с Глазами.
— Я выше вас,— сказал он Глазам,— захочу и прекрасно проживу один.
Глаза закрылись на минуту, и Лоб тут же разбил себя об стену.

ПРИВЕТ И ОТВЕТ

— Привет,— сказал Привет.
Ответа не было.
В следующий раз и Привета не было.

ЯЗЫК И УШИ

— Почему я один, а вас двое? — обиженно спрашивал Язык у Ушей.
— Потому,— отвечали Уши,— что следует меньше говорить, а больше слушать.

СВОЙ ВЗГЛЯД НА МИР

— Что нового в мире? — спросил Крот.
— Ничего,— отвечала Летучая Мышь,— кругом темнота.
— Да, полный мрак,— подтвердила Сова.

ЖЕЛАНИЕ

— Что бы ты желал больше всего на свете? — спросили одного слепого.
— Я хотел бы видеть, как и все другие люди,— отвечал он.
— Что бы ты желал больше всего на свете? — спросили другого слепого.
— Я хотел бы, чтобы все люди были слепы, как и я,— отвечал он.

Перевел с узбекского Михаил КРЫЛОВ.

ВОТ ЭТО ДА!